

Людмила Гордеева

Исторический роман

Иоанн III Великий

Часть 3

12+

Людмила Гордеева

Иоанн III Великий.
Книга 2. Часть 3

«ЛитРес: Самиздат»

1996

Гордеева Л. И.

Иоанн III Великий. Книга 2. Часть 3 / Л. И. Гордеева — «ЛитРес: Самиздат», 1996

Продолжение книги 1. В части 3 мы узнаем об окончательном присоединении к Москве Великого Новгорода, о Кириллово-Белозерском монастыре и его иноках, об основании Иосифо-Волоколамского монастыря, о последнем военном столкновении Руси с Ордой - "Стоянии на Угре", показавшем превосходство русского воинства и оружия. Лирическая линия книги передает страдания человека, нарушившего обет целомудрия. Мы узнаем мысли и чувства инока, который получает великую благодать от общения с Богом, от молитвы. На обложке: фрагмент картины А. Д. Кившенко "Иоанн III разрывает ханскую грамоту", ок. 1880 г.

Содержание

Часть третья. Государь всяя Руси	5
Глава I	5
Глава II	17
Глава III	33
Глава IV	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть третья. Государь всея Руси

Глава I

Новгород – сам себе господин

Узнав о смерти последнего любимого сыночка Федора, Марфа Борецкая будто оцепенела. Чужало ее сердце, чужало с самого того момента, как его арестовали и отправили в Москву, что быть беде, что не вернется ее кровиночка домой. Сердце-то подсказывало, а разум не соглашался, мол, преувеличиваешь опасность, смягчится государь Московский серебром новгородским да отпустит своих пленников. Тайно посылала в Муром, к месту заточения сына, слуг верных, они узнали лишь, что Федор постригся в иноки, и ему по такому случаю позволили жить не в тюремном подвале монастыря, а в келье, но все-таки под охраной. Еще будто бы слышали ее разведчики, что нездоров он, крепко застудился в холодных сырых казематах. Но, все же, надеялась Марфа, что выдюжит сын, ведь крепкие у нее были дети, здоровые, когда и случалась простуда, так в три дня все улетучивалось. Да вот не выдержал...

Месяц не выходила вдова-посадница из своих комнат, месяц не хотела видеть никого из посторонних. Даже сам владыка Новгородский получил от ворот поворот – его посыльному сказали, что Марфа больна и никого не принимает. Правда, деньги на помин старшего сыночка прислала немалые. Однако все ж, осерчал Феофил. Считал, что теперь самое время Марфе с духовником пообщаться, причаститься и покаяться. Ведь и ее вина есть в смерти сына! Но, видно, каяться и долго себя винить посадница вовсе не собиралась.

Так оно и получилось. Обходила Марфа тот месяц своей домашней молельней да прямым общением с Богом. Молча, принимала еду от прислуги прямо в дверях, снова запиралась. Горе свое хотела переболеть в одиночку, без свидетелей. Молилась и думала, снова молилась, пока, наконец, не потекли спасительные слезы, принесшие облегчение. И тогда снова пожелала видеть архиепископа.

Феофил, бросив все свои немалые дела, тут же примчался в богатый марфин терем в Людином конце на Софийской же стороне, благо это находилось совсем рядом с детинцем, с его собственным архиепископским дворцом. Его маленькая крытая кибитка с зашторенными окнами провезла его с владычного двора по улице Епископской через Спасские ворота по Новому мосту мимо дворов Тучи и Овина прямо к Марфиным хоромам. На улице расцветал май, и его запахи пьянили даже престарелый, закаленный постами и воздержаниями организм владыки. Знал он свой маленький грех – тайную симпатию к Марфе, но и знал также, что замолит его, ибо Господь милосерден к маленьким человеческим слабостям.

Марфа не стала скрывать от владыки своих черных мыслей, того, что надумала за месяц затворничества.

– Я буду мстить Ивану Московскому до последнего дыхания за моих детей. Мне терять больше нечего.

– Как же нечего? – проникновенно глядя на похудевшую свою духовную дочь, ласковым голосом возразил Феофил. – У тебя богатство несметное, у тебя есть внук-наследник, ниточка от твоего Федора, продолжение его. Неужто, ты захочешь и его опасности подвергать?

– Он дитя, его Иван не посмеет тронуть, постыдится с малым воевать. Если отстоим свою вольность, может быть, и с помощью Казимира, свободным человеком, хозяином мой Василек останется. А коли повесит государь Московский ярмо на вольный Новгород, сделает нас своими холопами, так и внучек мой будет холопом жить, если пожелает. Как все. А мне терять

нечего. Неужто я бояться и прятаться буду, когда сыновья мои за вольность земли родной сгинули? Мне обратного пути нет.

Архиепископ Феофил наслаждался видом похудевшего взволнованного марфиного лица с яркими зелеными глазами, которые делали неприметными выступившие морщинки. Владыка полностью разделял ее порыв к свободе, и сам вовсе не хотел терять ту полную и неограниченную власть, которую имел на обширных новгородских просторах и в которой все более укреплялся. Но его врожденная и приобретенная на длинном пастырском пути осторожность и выдержанность не позволяли ему столь открыто говорить о своих чувствах и замыслах. Он, конечно же, полностью доверял Марфе, но она была слишком открытой и несдержанной, могла проговориться при посторонних не только о себе, но и о других, накликав беду на всех. Кроме того, знал владыка, что и у дверей есть уши, а в городе у великого князя полно соглядатаев, сторонников и просто доброхотов, которые всегда готовы услужить сильнейшему. Именно потому предпочитал действовать Феофил неслышно и невидимо, через особо доверенных своих помощников, не оставляя следов и записей. На людях же выступал миротворцем и даже среди единомышленников, какой представлялась ему Марфа, сердца своего не открывал. Оттого чуток охолодил ее:

– Терять всегда есть чего живому человеку, – молвил он все тем же ласковым, умиротворяющим голосом, будто мать, наставляющая шаловливого ребенка. – Я понимаю твою горе и стремление отомстить. Только не по-христиански это, дочь моя. – Архиепископ на всякий случай оглянулся на дверь и еще тише продолжил: – Да и что можем мы сделать, если сила на стороне Иоанна? Он под свои знамена в месяц всю Русь поднимает, когда ему это необходимо. Наша отчина, Псков, и та ему в рот смотрит, царем и государем величает. Да и понятно! Кто их последние годы от немцев – ливонцев, от литовцев обороняет? Он. А мы со своей вольностью и оружие-то скоро разучимся хорошее изготавливать.

– Покупать станем! Мы на то и купеческий город, чтобы покупать все нужное. Зачем у нас на Торгу Немецкий да Готский дворы стоят? Я уже заказывала им оружие огнестрельное. Дорого, да привозят. Меха и серебра у нас хватит все оплатить. А еще я надумала снова счастья попытать, тайное посольство к Казимиру направить. Пусть разузнают, чем он теперь занят, нет ли у него силы и желания помочь нам, имеет ли власть для принятия решений скорых, военных.

Феофил от такой откровенности даже растерялся. Она делала все правильно, так как диктовали ей логика и обстоятельства. Но разве мог он во всеуслышание одобрить это? Да если кто об этом узнает – пропало его владычество! Будешь тогда не на сладостную Марфу любоваться, а на стены сырой кельи, если того не хуже.

– Ты не горячись, дочь моя, – заговорил владыка, все еще торопливо соображая, как бы сказать так, чтобы и не запретить ей действовать, и в то же время не выказать своего одобрения. – Я не могу тебе приказывать, Господь дает нам право выбора в наших поступках. Но я думаю, что ты принесла уже достаточно жертв за новгородскую свободу...

Голос его оставался по-прежнему ласковым и доброжелательным, и умная Марфа поняла его тайные сомнения. Она тут же успокоила гостя:

– Я понимаю, владыка, ты пастырь, твое дело – сеять мир и добро в наших душах. Оттого я не жду твоего одобрения. Но у меня достаточно единомышленников. Мы не позволим Ивану нас проглотить, как он сделал это с Ярославом, Ростовом, с Пермью. Я знаю, что великим князем сильно недовольны его собственные родные братья, надо бы попытаться и их на нашу сторону привлечь. У них полки сильные, людей много, оружия. Если мы объединимся, Москве трудно будет нас одолеть. Ты только благослови меня на добро – это не грех, большего мне и не надо. А там видно будет, как действовать, я всегда рада прислушаться к твоему совету...

Неожиданно для самого владыки Новгородского с Торговой стороны раздался едва различимый за крепкими стенами марфиного дома удар вечернего колокола. Услышала его и

Марфа, и они одновременно с удивлением поглядели друг на друга. То был редкий случай, когда вечевой колокол бил без благословения владыки.

– Что стряслось? – спросила хозяйка у гостя.

Но тот сам недоуменно пожал плечами и начал подниматься.

– Мне с утра доложили, что на Городище прибыли государевы послы и хотят со мной встретиться. Я предложил им приехать после литургии, а сам к тебе поспешил. Надо бы мне теперь же там быть. Прощай пока, дочь моя.

Архиепископ наспех благословил хозяйку и отправился к выходу. Она проводила его до выходных дверей, в сенях ее уже ожидал приказчик Яков Воробей. Он обычно ходил с прочими слугами на вечевые сборища и докладывал Марфе обо всем, что там происходило. И теперь, услышав удары колокола, он поспешил к хозяйке за указаниями.

– Ступай, ступай, Яков, возьми с собой всех, кто теперь свободен. Чую я, что неспроста великокняжеские послы людей тревожат.

В это время со всех пяти концов Новгорода к Торгу стекался народ, в основном мужчины. Постепенно и Вечевая площадь и все Ярославово дворище, на котором она располагалась, заполнялись, особенно тесно становилось возле вечевой башни, рядом с которой на небольшом постаменте-возвышении пока красовался один лишь степенный посадник Фома Андреевич Курятник. Он был в полной растерянности. С утра ему сообщили, что в Новгород на Ярославов двор прибыли важные московские послы, которые просят его срочно пожаловать на переговоры. Он заехал к владыке узнать, что случилось, но не застал, решил, что тот тоже уехал на встречу, и тогда, без особой спешки, соблюдая достоинство, отправился по Великому мосту через Волхов на Торговую сторону.

Послы действительно прибыли – важнее некуда: знатный воевода Иоанна и его большой боярин князь Федор Давыдович Палицкий и другой боярин Иван Борисович Тучков, чьи предки проживали в Новгороде. А с ними чуть не целое войско – около сотни верховых дружинников да слуги. Накануне они остановились в Городище под Новгородом, а нынче пожаловали и на Ярославово дворище.

Послы ожидали хозяев в великокняжеском дворце, часть которого занимали московские наместники, а часть использовалась под городские нужды, там располагался чиновничий городской аппарат. Ласково поздоровавшись, улыбочивый Федор Давыдович вежливо приказал степенному посаднику собирать вече. На его вопрос дал ли на то повеление владыка, Палицкий ответил, что владыки нет на месте, да тут его разрешения и не требуется. Он не собирается на вече решать никакие вопросы, ему надо лишь сделать объявление для новгородцев от имени великого князя Иоанна Васильевича. А владыка захочет, так и сам подъедет.

Тут к дворцу подоспел и степенный тысяцкий Василий Максимов, и уже вместе они отдали приказ бить в вечевой колокол.

Постояв на возвышении и убедившись, что народ собирается активно, что уже начинает со всех сторон окликать его, Фома Андреевич сообщил громко, чтобы все ждали объявление от имени великого князя. Затем сошел с постаменты и отправился в вечевую башню, внутри которой в специальном помещении уже собрались с два десятка новгородских посадников и тысяцких.

Волнение и шум на площади нарастали, кое-где начались перепалки, что всегда бывает, когда рядом собираются непримиримые противники. А тут их было предостаточно. Конфликт по важнейшему в жизни каждого новгородца вопросу, длившийся десятилетиями между сторонниками Москвы и Литвы, так и не был решен и потому вызывал яростные споры и стычки. В последнее время он начал разгораться с новой силой, ибо военный погром вольной республики московским воинством пятилетней давности начал забываться, а недавний, так называемый мирный поход Иоанна, изрядно истощивший новгородскую казну, оставил не страх, а лишь досаду: раскошелиться-то пришлось почти каждому жителю. Правда, бедняки и тут нашли

виновных: Иоанн-де не велел с простых людишек дополнительные налоги на подарки брать, это жадные бояре решили свои расходы сократить за счет народа. Да узнать точнее о том у москвичей не решились. Но в результате сторонников у Москвы даже прибавилось, особенно среди тех, кто нашел в последние годы защиту у Иоанна от боярских да купеческих притеснений, кому понравился его справедливый, на их взгляд, суд. На стороне Москвы была также традиция: как может истинно православный люд от православного покровителя к иноверцам-католикам отступить? К тому же – к инородцам! Тут и в самом деле предательством пахнет!

В общем, гудел народ, схлестывался в спорах, пока подтягивались нерасторопные, да те, кто жил подалше. Но вот монотонный гул вспыхнул и пронесся над головами: на возвышение поднялся великокняжеский посол князь Федор Давыдович. За ним – Тучков и несколько новгородских посадников. В руках посол держал свиток с вислой печатью, но разворачивать его не торопился.

– Братья-новгородцы! – обратился он к собравшимся неожиданно громким для его довольно тщедушного тела голосом.

Обращение насторожило собравшихся и вновь вызвало шум, ибо посол не назвал их «мужами вольными», как то было принято прежде. И, как вскоре выяснилось, не случайно.

– Недавно принимал великий князь Иоанн Васильевич послов ваших, – продолжил Палицкий, – чиновника Назара Подвойского и дьяка вечевоего Захара Овина. И назвали они его от имени всего Великого Новгорода своим государем. Вот и послал нас великий князь Московский и всея Руси спросить у вас: «Какого вы государства хотите? Значит ли это, что вы признаете его таким же самовластцем на Новгороде, как и в Москве?»

И, не давая участникам веча прийти в себя от изумления, Палицкий тут же продолжил:

– А если это так, то просит государь наш Иоанн Васильевич тиунов у него на каждую улицу принять, чтобы они у вас суд его судили, просит также двор ему Ярославов очистить и веча тут более не устраивать...

Хотел еще что-то проговорить великокняжеский посол, но вознесшийся к небу людской вопль заглушил все его попытки продолжить. Многие терпел от Иоанна вольный народ, даже, в конце концов, свыкся с мыслью о суде его чрезвычайном, на который желающие могут съездить в Москву. Но чтобы его людям судить в самом городе?! Чтобы отдаться на полное самоуправство московских чиновников? Чтобы вече с Ярославова двора вывести, которое тут испокон веков собирается и судьбы новгородские решает? А потом и мытников его принять, и пошлинников!? Так это ж полная зависимость! Это ж настоящее рабство! С этим даже самые активные сторонники Москвы согласиться не могли.

– Быть такого не может! Не будет! – орали мужи новгородские. – Где Овин – предатель, сюда его, пытать лгуна и обманщика!

Поняв, что шутки тут плохи, что с разошедшейся толпой лучше дел не иметь, московские бояре сошли с постаментов и в окружении своих дружинников и приставов, спокойно и деловито протиснувшись сквозь кричащую толпу, скрылись во дворце. Новгородцы и не думали кидаться на них, ибо прекрасно понимали, что это слишком опасно. Да и не виноваты они – передали лишь волю своего господина. А народ теперь сам должен разобраться, что и как произошло.

Виновных Захарки Овина и Назара Подвойского под рукой не оказалось, но кто-то выловил из толпы и схватил захарова брата Кузьму Овина, которого, тут же, выволокли в центр и начали допрашивать. Но Кузьма в Москву не ездил и кричал, что ничего не знает и не ведает. В этот самый момент на площади появился сам новгородский владыка Феофил, и народ, бросив Кузьму, кинулся к архиепископу за разъяснениями: с какой стати и по чьему велению вечевой дьяк Захарка Овин назвал великого князя государем. Поручал ли Феофил или кто другой ему нечто подобное?

Феофил спокойным и уверенным голосом ответил, что впервые слышит о подобном, что он никого не уполномочивал называть Иоанна от имени всего Новгорода государем и во всем разберется. Он благословил народ и посоветовал отправляться по своим храмам на литургию – молить Господа, чтобы избавил их от всех напастей. Сам же отправился в великокняжеский дворец для беседы с московскими знатными гостями.

И вновь забурился, заволновался вольный еще город, то и дело собирались и простые жители, и знатные бояре, посадники, тысяцкие, обсуждали, как быть, спорили, решали. На улице стоял теплый солнечный май, а в душах людских царило ненастье. Все знали, что на Городище продолжают сидеть великокняжеские послы, ждут их решения и ответа.

Марфе и карты в руки. Она развернулась в полную силу. Собрала совет из самых надежных своих сторонников, и тут ее план призвать на помощь Казимира, короля Польского и великого князя Литовского, был с энтузиазмом поддержан. Утвердили посольство, приготовили деньги и дары, сочинили послание, в котором спрашивали у Казимира, есть ли у него на этот раз силы и возможность помочь Новгороду. Предлагали возобновить прежний договор, подписанный еще пять лет назад, одобренный обеими сторонами и утвержденный новгородским вече. Перед отъездом послов Марфа сама лично посоветовала им не только послушать короля, но и слуг его, с панамы поговорить, чтобы не получилось так, как в прошлый раз, когда Казимир помочь-то обещал, да силенок у него для этого не хватило. И серебра на подарки панам добавила.

Пригласила Марфа к себе старосту купеческого Марка Памфильева, с которым уже много лет вела свои дела. Возил Марк к немцам и по всей Европе свои меха, соль, мед да прочие товары, выполнял самые причудливые ее заказы, приобретая все, что могла только пожелать богатая капризная боярыня: зеркала немецкие, украшения драгоценные, вина, ткани аглицкие, кружева голландские, пряности. Заказывала и для внука игрушки редкостные, сладости. Теперь же Марфа потребовала, чтобы разузнал купец, какое новое оружие есть у немцев и можно ли его срочно закупить и в город доставить. Порохом интересовалась и прочими военными премудростями, не хуже иного воеводы. Обещал Марк днями на самом Ганзейском дворе все разузнать, может, какие пищали и самострелы у них и теперь на складах пылятся, и завозить не надо. Словом, заверил купец Марфу, что постоит вместе с ней за вольность народную.

Встречалась вдовая посадница и с другими своими единомышленниками, обсуждала с ними, как жить дальше, что делать. Активного помощника нашла себе в Григории Арбузьеве, чей отец казнен был великим князем вместе с ее сыночком Дмитрием. Арбузьев, как и она, горел жаждой мести, не жалел ни денег, ни сил, ни времени на привлечение новых сторонников. Огорчили Марфу самые близкие соседи. Овины после обвинения на вече в измене Новгороду сидели тише жижи болотной, за крепкие ворота своей ограды даже не высовывались, лишь оправдывались перед посольными, которые то и дело жаловали к ним – то от веча, то от владыки Феофила. Говорили, что не виновны ни в чем. По ночам собак своих грозных во дворе с цепей спускали, днем больше чем для двух-трех чужаков свои ворота не отворяли. Разочаровал Марфу и другой сосед, посадник Григорий Михайлович Тучин. Все отмалчивался да уклонялся от прямого ответа, а как прижала она его с требованием объясниться, станет ли помогать ей в деле отстаивания новгородской свободы, станет ли, как прежде, ее сторонником, ответил прямо и решительно:

– Знаешь, Марфа, я все время с тобой заедино стоял, сам сынов наших к борьбе звал, сам старался изменников покарать. А как посидел у Иоанна под арестом, как собака последняя, всю жизнь наново передумал. Чтобы выпустил, пришлось слово ему клятвенное дать: против Москвы не выступать. И не могу то слово порушить. Теперь, случись что снова, он меня первого схватит и на этот раз не помилует. А у меня – семья, хозяйство. Есть что терять. Хотя, в общем, не это главное. Свобода нужна, если ты живой. К тому же, думаю, не намного хуже нам

станет, если с Москвой заедино жить будем. Может, даже надежней. Силен великий князь и не глуп. Богатства нам и на себя и на него хватит. Больше, чем в брюхо влезает, не проглотить.

Слушала Марфа, слушала Григория, плюнула и ушла от него. Крест на соседи Тучине поставила. И на всей его семейке.

Феофил несколько раз допытывался у дьяка вечевого, слуги своего Овина, что же в Москве случилось, отчего он Иоанна государем от имени всего Новгорода повеличал. Не отпирался Овин, объяснил лишь, что назвали они так великого князя Московского не от всего Новгорода, а от себя лично, да и то лишь потому, что в Москве теперь к нему все так обращаются, даже послы иноземные. Ну, оговорился он, дурак неосторожный, что же теперь, казнить его за это?

– Не знаю, чем та неосторожность твоя теперь обернется, – размышлял Феофил.

Беседовали они в его кабинете, в архиепископском дворце, в детинце, куда после нескольких приглашений владыки Овин все-таки решился приехать в закрытой кибитке, благо дом его, как и Марфин, находился рядом, на Людином конце.

– Чем же страшным она может обернуться? – искренне удивился Захарий Григорьевич. – Ответим Иоанну, что сказал я это по своей глупости, не подумав, что Новгород мне этого не поручал, и уберутся его послы подобру-поздорову, на том все и кончится.

– Ох, сомневаюсь я, что все тут так просто, – озабоченно охал владыка.

Он сидел за столом в белом наряде с непокрытой головой, на которой сияли жидковатые седые волосы, его белый кlobук лежал рядом на столе.

– Прекрасно я понимаю, что не такое уж ты страшное преступление совершил, назвав Иоанна государем. Ему повод нужен, он давно его искал. Не тебя, так другого простофилю бы нашел, или другую какую причину. Плохо, что ты, слуга мой, под подозрением у города оказался. Расскажи-ка мне подробнее, как все произошло.

– Да обычно как-то. Назначил нам великий князь прием, пришли его посыльные, говорят, государь ждет вас. Бояре возле золотой лестницы встретили, то же самое повторили, мол, государь уже ожидает. Потом дьяк о нашем прибытии доложил: «Государь, послы новгородские к тебе на поклон явились». Ну и мы, как попки безмозглые, так же его назвали. А он сразу внимание обратил, обрадовался и говорит боярам: «Вот видите, новгородцы во мне тоже государя своего видят. Недавно я с их Василием Никифоровым толковал, и он меня так же назвал!». И тут же спрашивает нас: «Это вы от себя назвали меня так или от всего Новгорода?». Я отвечаю: «Ясно, от себя!». А он: «Так вы же послы от города, разве можете вы от себя такое говорить? Верно, вас город на это уполномочил?». В общем, прицепился к нам и не стал никаких возражений выслушивать. Да и знаешь, владыка, ему не очень-то возразишь. Как глянет своими очами пронзительными, так мороз по коже. Мы и не подумали тогда, что одно такое слово необдуманное может столько переполоху наделать. Да еще он нас Василием Никифоровым с толку сбил. Несколько раз нам его в пример ставил, человеком верным называл, а нас – изменниками изворотливыми. Словом, не смогли мы ему тогда ничего толком возразить.

– А что, правда, что Никифоров ему клятву верности дал?

– Правда, наверное, великий князь сам это сказал. Да ведь он всегда так может дело повернуть, что и не хочешь, да скажешь, и виноватым сделаешься. Может, и с Никифоровым так случилось, как знать. И потом, может, он без клятвы-то и на свободу бы его не выпустил. А кому хочется заживо гнить?

– Да, плохи наши дела! Видно, задумал Иоанн совсем Новгород к своим рукам прибрать, теперь ему каждое лыко в строку. Во всем будет повод искать, чтобы нам тиунов своих да данников приставить, Ярославов двор присвоить и вече наше народное разогнать. – Феофил помолчал, погладил седую бороду. – Поглядим, как дальше дело повернется. Я тебя, Захарий, могу лишь в неосторожности обвинить, злого умысла твоего не вижу. Только народу это не

докажешь, если дело серьезно обернется. Толпа ведь слушать и думать не умеет. Ты уж осторожнее будь, пока послы великокняжеские в Москву не отбыли. На Торговую сторону, а тем паче на вече, не шастай. Но сюда на службу, все, же являйся, надеюсь, на моем дворе никто тебя не тронет.

Захарий, красный от волнения, юркнул за дверь и поспешил домой, а на его место заступил приглашенный архиепископом протопоп Святой Софии Гавриил.

С этим Гавриилом было связано еще одно неведомое для Феофила явление. Дошли до него слухи, что поселились в городе какие-то еретики, что совращают они не только горожан, но и попов. Узнал он, что среди прельщенных этой ересью оказался и сам Гавриил. Решил владыка поговорить с ним напрямик, хотя и не был уверен в результате. «А не откроется, – думал владыка, – его грех, с меня снимется лишняя проблема, их мне теперь и так хватает!»

Полный, с округлым брюшком, выступающим сквозь черную мантию, неспешный протопоп Гавриил тихо вошел в кабинет и сел на скамью, на которую указал ему Феофил.

– Слышал я от отца Афанасия на исповеди, что прельщали вы его в ересь безбожную, – начал без предисловий архиепископ и внимательно посмотрел в лицо Гавриилу. Тот от неожиданности сразу же отвел глаза и смутился.

– Правда, значит? Не отпирайся, не грехи сверх меры, – спокойным, доверительным тоном продолжил Феофил. – Я не желаю тебе зла, хочу лишь знать, что происходит на самом деле с моей паствой. Слышал я, что сие зло весьма широко растеклось по нашему городу.

Гавриил продолжал молчать, склонив голову и сложив руки – одна на другую – на своем обширном животе. Он чувствовал себя весьма неловко под пристальным взглядом владыки. Но не знал, что отвечать, можно ли рассказать архиепископу правду об образовавшемся у них около пяти лет назад кружке из нескольких настоятелей приходов, из близких знакомых и родственников. Привлек их к себе поначалу приехавший из Киева вместе с Олельковичем жид Схария своей грамотностью и начитанностью, умением предсказывать будущее с помощью гадания на необычных картах и по звездам. У Схарии оказались интересные книги, интересные мысли, именно то, чего так не хватало думающим людям в полусонном городе, где лишь периодически вспыхивали страсти по поводу какой-то мифической независимости. Для него, Гавриила, независимость всегда была и будет одинаковой – от новгородского владыки да от прихожан, которые не изменятся ни при какой власти. А Схария привез книги из Киева, да еще и на понятном старославянском языке, где рассказывалось об устройстве мира, о летосчислении, о невиданных странах, об истории разных земель, о редких и незнакомых животных. Схария задавал на первый взгляд странные вопросы, которые при ближайшем рассмотрении и при обсуждении оказывались сложными и любопытными. Например, почему вы молитесь иконам? В самом деле – почему? Если Господь на небе и оттуда все слышит и видит, думает о нас, – почему бы не обращаться со своей молитвой к нему напрямую, а не через разрисованную деревяшку?

От этой мысли Гавриил до сих пор нередко холодел, вспоминая иконы, висящие в Софийском храме. Иные из них глядели как живые, меняли выражение глаз, казалось, обладали даже своим собственным духом. Так что колебался порой Гавриил, но со Схарией и его последователями продолжал встречаться, ибо ему нравилось обсуждать с ними щекотливые вопросы, заставляющие мыслить, искать ответы, жить интересней и ярче.

Сам Схария периодически пропадал, отъезжал то в Киев, то в Литву, то к себе домой в Крым. Когда сторонников у него прибавилось, привез двух помощников – жидов – Шмойлу Скарявого да Моисея, прозванного тут же Хапушей за то, что в руках его немедленно исчезало все, к чему он прикасался и что могло исчезнуть, – деньги, ценности, добротные вещи. Оба эти еврея тоже оказались грамотными и начитанными, хорошо говорили по-русски, давали книги любопытные, в том числе и запретные, входившие в специальные «индексы» – списки запрещенных Церковью для чтения книг. Такие, как «Никодимово Евангелие», «Шестокрыл»

и другие. Приезжие проповедники не отрицали существования Бога, но религия, которую они проповедовали, была легкой и ненавязчивой. Хочешь – молись, не хочешь – не обязательно. Кресты не нужны, иконы тоже не нужны, все это идолы, эхо отсталого многобожества, идолопоклонства. Бог велик, могуч и един, он услышит тебя отовсюду. Все остальное – фетиш, буталфория. Исповедоваться, – говорили они, – вовсе не обязательно, Господь и так узнает, если вы искренне раскаетесь в своем грехе. Но если власти требуют, можно и исповедоваться для отвода подозрения, сказав своему духовнику, лишь то, что хочется и что можно сказать, не выдавая единомышленников.

Покушались они и на Святую Троицу. Предлагали пришедшим на встречу с ними попам объяснить, что значит «Господь в трех лицах»? Как это можно представить? Догмат Церкви гласит, что понятие сие недоступно простому человеческому разуму, но иудеи отвергали христианские догматы, предлагали свои, пожалуй, более рациональные и понятные.

Среди тех, кто посещал кружок самого Схарии, Гавриил хорошо знал попа Алексея, имевшего свой приход на Михайловской улице, его грамотного, хорошо начитанного зятя Ивана Максимова, попов Дениса, Максима и иных.

Разве можно рассказать обо всем этом владыке Феофилу? А что, если он начнет расследование, потребует исповедания веры, сгонит с работы, а то и отлучит от Церкви? Но и отрицать все неловко. Затесался к ним этот недотепа отец Афанасий, приходил на несколько собраний, всем интересовался, поддакивал, книжки смотрел, вопросы задавал, сомневался. Видно, досомневался до того, что побегал к самому архиепископу свои сомнения выкладывать. Хорошо, что бывал он лишь в доме самого Гавриила, ни Схарии не видел, ни других членов кружка. Лишь зятя попа Дениса – Васюка, да нескольких прихожан. Хорошо, что не успел он ввести предателя в тот самый круг единомышленников. Да, впредь надо быть осторожней. Но, что же теперь сказать владыке?

– Правда, что вы ставили под сомнение суть всей христианской православной веры – существование Троицества Господа нашего Спасителя? – вновь заговорил сам владыка, не дождавшись ответа протопопы.

– Да не отрицали мы, а лишь сомнения свои высказывали, – начал выкручиваться из создавшейся щекотливой ситуации Гавриил. – Что же поделать, коли Господь нас такими устроил, – думающими и взыскующими?..

– А если Господь тебя так устроил, что любой бес тебя попутать может, ты бы ко мне пришел, я б на тебя епитимью наложил, может, и исцелил бы от сомнений. А нет – так вон из храма Божьего, нечего честных людей смущать, – без злобы и довольно спокойно выговаривал архиепископ.

«Хорошо, что я ему ничего не открыл, – подумал Гавриил. – А то не поздоровилось бы мне, да и всем остальным нашим».

– Я, владыка, готов любую епитимью выдержать, – смиренно ответил он на гнев святителя, не убирая пухлых рук со своего живота.

– Отвечай, что за сомнения тебя одолевали? Какие книги еретические ты предлагал своим гостям читать? Тебе что, мало в нашем хранилище книг? Или слишком грамотным стать захотел?

Архиепископ снова замолк, пригладил свою седую бороденку и снова воззрился на протопопы.

– Так что молчишь? Давай уж, выкладывай по доброй воле, не на пытки же тебя отсылать?

Сердце нырнуло у Гавриила куда-то вниз, приостановилось и лишь через какие-то мгновения снова застучало в груди.

– Прости, владыка, грешника окаянного, – растерянно залепетал он, и руки его, соскользнув с брюха, сами собой в молитвенном порыве взмыли вверх, к груди. – Нет у меня больше никаких сомнений...

– Смотри мне, – перебил его владыка. – Не до тебя сейчас, вон какие дела в Новгороде творятся. Но чтоб месяц на службе не появлялся. Месяц этот лишь в придел сможешь входить. И чтоб по двести раз в день читал Иисусову молитву и столько же «Отче наш»! А там видно будет. И если еще что подобное услышу – в подвалы отправишься!

Протопоп, пятясь, выскользнул из кабинета архиепископа и, выйдя за порог дворца, перекрестился: «Слава тебе, Господи, пронесло!» Хоть и учили иудеи, что Христос был обычный человек и скорее всего мессия, посланец Божий, а крещение – никому не нужный ритуал, Гавриил все ж таки от такого ритуала не мог отказаться. Рука сама собой тянулась ко лбу. Осенишь себя – все как-то легче становится. Может, привычка многолетняя сказывается, а может быть, в этом и правда что-то есть?

Архиепископ же, проводив гостя, позвонил колокольчиком и приказал быстро вошедшему монаху в длинной темной рясе:

– Приготовь кибитку, поеду к послам московским на Городище.

Московские послы вот уже почти месяц ждали решения новгородцев. А те думали, что ответить Иоанну, боялись дать решительный отказ, пытались выяснить, правда ли, что посадник Василий Никифоров давал великому князю клятву верности и что Овин с Подвойским называли его государем от имени всего Новгорода?

Предстояли уже не первые переговоры с московскими послами. И чем больше толковал с ними Феофил, тем лучше понимал: не шутки шутить они приехали, не праздные вопросы задают. Как бы за упорство и несогласие отвечать перед Москвой не пришлось. Да народ новгородский заупрямился не на шутку. Теперь послы назначили для ответа крайний срок – два дня. 1 июня собирались они отбыть домой.

31 мая вновь ударил на Ярославовом дворе вечевой колокол. На этот раз представительный народ собирался шустро, причину знали, шли к месту сбора встревоженные и злые. Сторонники великого князя больше помалкивали, а иные и вообще отсиживались по домам, не тот был момент, чтобы отстаивать свои интересы. Когда у человека собираются что-то отнять, даже если это «что-то» и виртуальное, символическое, он всегда ощетинивается и бросается защищать. На всякий случай. Озlobляется. Тут уж не до политических тонкостей.

На сей раз на постаменте московских послов не было, они сидели в своем укрепленном Городище и ждали ответа от отцов города – архиепископа и посадников. Ответ же должно было выработать нынешнее общегородское вече.

На возвышении стояли и ждали общественного решения сам архиепископ со степенным посадником, с тысяцким, другие руководители города.

– Что решили, вольные новгородцы? Что ответим мы великому князю? – спросил Феофил, когда вечевая площадь и ее окрестности заполнились до отказа. – Отдадим ему Ярославов двор с нашей вечевой площадью, с нашей свободой?

Последние слова архиепископа утонули в мощном яростном крике:

– Нет, никогда! Свобода! Вольность!

Подождав, когда народ выпустит пар, накричится, архиепископ поднял руку. Площадь начала замолкать, и тогда он продолжил. Мощный, натренированный на многочасовых церковных службах и пении голос его был слышен далеко:

– А не боитесь ли вы, братья мои, что снова соберет Москва на нас войско?

– За что, чем мы провинились? – раздалось сразу несколько голосов.

– Великий князь считает, что мы посылали к нему своих послов, чтобы признать его над собой государем, а теперь передумали и отказываемся, то есть, обманываем его.

– Но разве мы решали что-то подобное? – крикнул стоящий рядом с вечевой башней боярин Григорий Арбузьев. – Может, это ты, владыка, послал дьяка своего, Захара Овина, чтобы он в подарок великому князю нашу свободу отвез?

– У-у, – ухнул народ, оборотившись на Феофила своим гневом.

Тот даже малость трухнул.

– Не приказывал я никогда ничего подобного ни Захару, ни кому другому. Не решаю я таких дел без народа, – сделал комплимент собравшимся владыка.

Но это не умиротворило людей.

– Смерть предателю Овину, – раздалось из толпы. – Сме-е-ерьть! – разнеслось по площади. – Почему нет его здесь на вече? Где другие изменники?

– Правда, что посадник Василий Никифоров крест целовал великому князю? – вновь раздался звонкий голос Арбузьева.

– А ты откуда знаешь? – переспросил кто-то.

– Овин многим это говорил, кто пытать его ездил. Мол, Иоанн потому и прицепился к Захару и Назару, что перед тем Никифоров ему клятву верности дал от имени всего Новгорода. Да еще и присягнул ему против нас служить!

– Где Василий проклятый? – бесновалась разозленная толпа.

Мысль о том, что из-за двух-трех изменников великий князь Московский может лишиться весь город свободы или пойти на них войной, враз овладела умами. Многие вспомнили страшные побоища, устроенные москвичами пять лет назад на новгородских землях, когда погибли тысячи людей, в том числе и совсем ни в чем не повинных, когда город был ограблен едва ли не до нитки.

– Вот он, вот он, вот!

На свое несчастье, чувствуя свою невинность и желая оправдаться сразу перед всеми, посадник Василий Никифоров спокойно явился на вече и стоял неподалеку от вечевой башни, где его и прихватили несколько простых житейских людей. Они потащили его к возвышению, на котором продолжали стоять архиепископ и другие вожди города. Посадник пытался отбиваться и говорил что-то в свое оправдание, но его толкали, пихали, не слушали.

Владыка вновь поднял руку и, когда немного стихло, пригласил Никифорова на постамент, чтобы объяснить. Когда Василий, крепкий, немолодой уже боярин, поднялся, шум немного стих – люди хотели услышать его объяснения.

День выдался прохладный, на посаднике в честь большого вече был надет дорогой синий терлик – узкий длинный кафтан с пуговицами, обшитый сверху золотым шитьем. Верхние пуговицы кафтана озлобленный народец уже успел оторвать, и потому из-под ворота торчал край расшитой белой рубашки, тоже чуть надорванной. Длинные волосы его, подвязанные сзади простой бечевкой, растрепались, он пригладил их и начал взволнованно, но громко и честно объяснять:

– Да, целовал я крест великому князю, но только в том, что буду служить ему правдой и добра ему хотеть. Он же меня изменником называл, жизни лишиться грозился. Но не целовал я креста на государя своего, на Великий Новгород не замышлял никакой измены!

– Врешь, переветник, – закричала толпа, которая уже жаждала мести. – Врешь, изменник! Собака!

Над толпой взмыли кулаки, а в одном месте мелькнуло лезвие топора. Феофил хотел вступить за Василия, которого хорошо знал, в том числе и как активного сторонника новгородской свободы. Но понял, что это опасно. Он инстинктивно сделал шаг назад, и в тот же момент несколько рук из толпы выхватили посадника и с возвышения стянули на землю.

– Стойте, – крикнул архиепископ, – стойте, надо судить, доказать его вину!

Но его голоса уже никто не слушал. Озверевшая толпа молотила Никифорова, вымещая на нем все накопившееся за напряженный месяц зло и свой страх перед будущим. К разъяренной, истязавшей посадника кучке плавно приплыл по воздуху передаваемый из рук в руки топор, и вот сверкнуло в воздухе его большое острое лезвие. Народ отхлынул, но тот, кто бил, уже не мог остановиться. Он махал и махал топором, пока от Василия, крепкого и недавно еще

совсем здорового мужика, не остались лишь красные куски мяса, перемешанные с обрывками одежды, клоками волос и окровавленными алыми кусками бывшей белой рубахи. Арбузьев, поняв, что убийца разошелся не на шутку, изловчился и перехватил в воздухе из рук этого полупомешанного мужика мокрый, окровавленный топор. А когда тот, не умея и не желая остановиться, кинулся и на самого Арбузьева, дал ему по башке обухом так, что убийца сразу осел и притих. На какое-то мгновение толпа замерла, люди заглядывали через головы друг друга, чтобы увидеть то, что осталось от только что стоявшего перед ними Василия Никифорова, но сознание столь легкой победы и вид крови только раззадорили некоторых заводил, и над толпой разнесся крик:

– Теперь пусть Овин ответит перед народом! Смерть Овину!

Архиепископ с ужасом представил, что может натворить эта страшная толпа, и попытался остановить ее:

– Стойте, не смейте, грешники! – кричал он.

Часть народа послушалась владыку и осталась стоять возле постамента. Но чуть не сотня мужиков, разогретых возбуждением и жаждой мести, тронулась уже с места. Кто-то незаметно, но настойчиво вытянул из руки Арбузьева топор, и уже через минуту его лезвие мелькнуло над удалявшейся оравой.

В это время брат Захария Григорьевича Овина Кузьма скакал верхом на лошади в сторону своего дома. Он стоял на самом краю площади и видел все, что происходило на вече. Схватив привязанного им к забору коня, он помчался предупредить брата о надвигающейся на их дом опасности. Хорошо, что вече проходило на Торговой стороне, а дом Овиных располагался на Софийской, и их разделял длинный Великий мост через Волхов. Сознание надвигающейся беды сжимало сердце Кузьмы, несмотря на то, что сам он не бывал в Москве и не мог отвечать ни за реальные, ни за мнимые преступления брата. Но он понимал, что эти разъяренные люди могут сейчас запросто разнести весь их дом с его хоть и крепкой, но вполне уязвимой оградой, с его прочными дубовыми воротами, которые вряд ли устоят перед натиском сотни озлобленных мужиков и под их топорами. А там под руку попадут и жены, и дети...

Он представил свою милую Арину, сыночка Василия, которые жили вместе с ним в отцовском доме, под одной крышей с братом Захаром и его семьей. «Господи! Хоть бы их-то спасти, хоть бы дом спасти, чтобы не оставить детей беспризорниками», – думал Кузьма, слившись с конем в едином порыве скорее доскакать до дома. Как хорошо, что он отправился на вече верхом, что не полез вперед к вечевой башне, а схоронился незаметно за великокняжеским дворцом, что надвинул свою шапчонку на лицо, чтобы не привлекать к себе внимания. Это Господь его надоумил, слава тебе, Всевышний!

Он с ходу чуть не врезался в ворота и что было сил, не слезая с коня, ударил в них сапогом. И лишь потом нащупал веревку и дернул за нее – колокольчик во дворе тут же отозвался громкими звуками, залаяли собаки. Он продолжал звонить и кричать до тех пор, пока слуги не отворили ворота.

– Где Захар? – закричал он на весь двор.

– Что стряслось? – не спеша, вразвалочку вышел на крыльцо старший брат, одетый в домашний кафтан и старые стоптанные валенки, которые носил дома в прохладную погоду.

– Толпа, убивать тебя идут, срочно! Скрывайся! – прерывистым от волнения голосом проговорил Кузьма, и голос его чуть не сорвался от волнения.

Захар побледнел, по виду брата, да и по сложившимся обстоятельствам он понял, что тот не шутит.

– Запирайте ворота! – крикнул он слугам.

– Какие ворота? – завопил Кузьма. – Да они вмиг снесут и твои ворота, и тебя вместе с ними. Быстро, надевай сапоги, бегом на владычный двор – только там ты сможешь спастись. Если успеешь, если Феофил не выдаст.

Жена Захара, Настасья, уже несла мужу сапоги, ее глаза были полны ужаса. Трясущимися руками Захар прямо во дворе натянул сапоги, слуга помог ему заменить домашний кафтан на служебный. Некогда было выводить и запрягать другого коня или налаживать кибитку, и оба брата уселись вместе на одного, того, на котором примчался Кузьма с вече. У Захара тряслись руки, он с трудом соображал, что происходит. Но Кузьма знал, что делать, он думал об этом всю дорогу.

– Запирайте ворота, – крикнул он жене. – А ты, Санька, – скомандовал слуге, – ступай за ворота, а как увидишь толпу, кричи, что Овин побежал на владычный двор прятаться. Они тебе поверят, тем паче, что это правда. Лишь бы дом не порушили да деток наших не порешили!

Но Саньке не пришлось отводить беду от дома. Толпа мстителей быстро перебралась через Великий мост и домчалась до овиновой улицы. Братьев заметили на повороте к детинцу, кто-то узнал их, и все кинулись следом. На свою беду, братья бросились сначала под защиту Святой Софии, но она оказалась запертой: литургия задерживалась. Братья развернули коня и кинулись к митрополичьему дворцу. Но и там двери оказались, как назло, на запоре. Вероятно, служки вместе с архиепископом отправились на вече. Овины рванули к зданию приказа, здесь их и настигли преследователи, распалившиеся от погони, разгоряченные, как охотники, настигающие жертву. Они стянули братьев за ноги с взвизывавшей лошади и, не устраивая даже видимости суда, принялись, молча и озверело, месить их кулаками и ногами. В воздухе повис резкий вопль Кузьмы: «За что?» Вопль, который издает почти каждый безвинно погибающий человек...

Московские послы отбыли, как и собирались, на следующий день, в первый день лета. Они везли своему государю, великому князю Московскому и всея Руси Иоанну Васильевичу бескомпромиссный ответ: Великий Новгород – сам себе господин, покоряться не желает.

Глава II

Осада

Господь посылает нам испытания за грехи наши, напоминая, что все мы уязвимы одинаково – и богатые, и бедные, и сильные, и слабые. 31 мая, когда в Новгороде пролилась кровь христианская из-за людской злобы и бессилия, на Москву, словно в наказание, обрушился неожиданный мороз. Утром в субботу, в самый последний день весны, проснувшиеся люди не поверили своим глазам: земля вокруг побелела от снега и льда, деревья вместе с распутившимися уже листьями покрылись инеем, лужи промерзли насквозь. Впору было сани запрягать. А ведь начало мая выдалось теплым и ласковым, дружно зацвели яблони и вишни, выбросив обильные крошечные завязи, обещавшие хорошие плоды. На московских огородах взошло все, что успели уже посеять: озимые, зелень, корнеплоды... Мороз не пощадил ничего. Когда к обеду яркое, летнее уже солнце растопило льдинки и отогрело промерзшую зелень, она представляла собой плачевное зрелище: безжизненные растения плашмя лежали на грядках.

Даже великая княгиня Софья Фоминична, оставив прежде намеченные заботы, отправилась с утра пораньше в свой дворцовый сад на склоне Боровицкого холма, в котором любила прогуливаться одна и с детьми и где иногда с удовольствием занималась крестьянским делом. Мороз не пощадил и их дворцовое хозяйство: даже дыни в теплицах и те частично померзли. Фруктовые деревья, которые только что накануне горделиво красовались пышными, осыпанными завязью и остатком цвета ветками, поникли, а оттаявшие капли влаги на коре и листьях напоминали слезы.

Софья в первую очередь кинулась к розам, которые были предусмотрительно укутаны, и подоспевший к ней садовник обнадежил: розы могут еще отойти. Однако большинство цветов придется пересаживать заново. О собственных фруктах и ягодах москвичам в этом году придется позабыть...

Государевы послы добрались из Великого Новгорода в Москву за пять дней. Путь этот был объезжен и обустроен, в специальных путевых дворах, устроенных в последние годы по указу Иоанна, меняли лошадей, кормили, давали ночлег. Оттого задержек для государевых людей не случилось.

Великий князь принял прибывших, не откладывая, прямо в своем кабинете в присутствии ближних бояр. Рядом с ним находился его сын, Иван Иванович Молодой. Все по жесту Иоанна расселись вдоль стен, лишь ездивший с послами великокняжеский дьяк Василий Долматов остался стоять у входа.

Докладывал боярин Федор Давыдович как глава посольства. Он поднялся с места, поклонился великим князьям, а затем и присутствующим боярам, сделал два шага в сторону стола:

– Новости у меня, государь мой и князь великий Иоанн Васильевич, неутешительные. Взбунтовались новгородцы против воли твоей, убили наших сторонников Захария Овина и брата его Кузьму, растерзали посадника Назара Подвойского. И приказали дать ответ, что, мол, челом бьют вам, своим господам великим князьям, но государями не зовут, суд вашим наместникам на Городище оставляют по старине, тиунов московских принимать не желают, двора Ярославова не отдают. Хотят жить с вами, как в последний раз договаривались на Коростыне. Да передать наказали, что если кто без их ведома взялся иначе сделать, кто предлагал тебе лживо быть государем Новгородским, тех – сам знаешь, сам их за ложь и наказывай по своему. А они их у себя будут казнить, кого поймают. Приказывали передать, что бьют челом вам, своим господам, чтобы держали их по старине, по крестному целованию.

Предвидел Иоанн подобный ответ, но такой резкости и дерзости никак не ожидал. По мере доклада князя Палицкого глаза его суживались, брови сходились на переносице.

– Хорошо, – сказал он, дождавшись, когда посол закончит и сядет на место. – Они сами напросились на беду. Не хотел я зла Великому Новгороду, хотел жить с ними по старине. Сами послов прислали, сами назвали меня государем, сами крест на том целовали. А теперь отпираются, а я вроде как обманщиком оказался?! Они ответят за это!

Он схватил со стола колокольчик и позвонил, в кабинет тут же вошел его дьяк Курицын.

– Ты не знаешь, митрополит на месте? – спросил он.

– Да, собирается литургию служить.

– Поди, передай ему, чтобы меня дождался, я скоро к нему сам приду.

Курицын исчез, а Иоанн обратился к синклиту:

– И с вами, бояре, хочу о новгородцах посоветоваться. Как считаете, заслуживают они наказания за свое клятвопреступление? Ты, Семен Иванович? – обратился он к Ряполовскому.

– Надо подумать, – неуверенно начал тот. – Впрочем, тебе, государь, виднее, как поступить.

– А ты как считаешь? – спросил Иоанн Патрикеева.

Боярин помедлил с ответом, вспомнил два удачных предыдущих похода и кивнул:

– Заслуживают, мой государь. Но неплохо бы еще раз уточнить, может быть, можно все уладить мирным путем?

– Федор Давыдович, ты там, в Новгороде, более месяца просидел, с людьми толковал, как тебе кажется, смогут ли новгородцы одуматься и исполнить мою волю?

– Сомневаюсь в этом, государь. Похоже, что все-таки послов не вече к тебе посылало, не все хотят тебе в полную власть отдаваться, а теперь даже и сторонники твои примолкли, боятся вслух свою симпатию к вам, великим князьям нашим, показывать. На вече снова кричали, что лучше к Казимиру отойти, к литовцам, чем свободу свою потерять.

– Я покажу им Казимира, – разозлился Иоанн. – А ты, сын, как считаешь? – повернулся он к своему молодому девятнадцатилетнему наследнику, красивому молодому человеку, очень похожему на него самого.

– Я согласен с тобой, отец, что нельзя без ответа оставить сию дерзость новгородцев, – ответил юноша, смутившись, что отец и к нему обращается за советом по столь важному вопросу в присутствии больших бояр. Ибо хоть и величали его наравне с отцом великим князем, тем не менее, пока еще не относились к его мнению серьезно, со всеми важными делами обращаясь к родителю. А тот, принимая решения, не всегда вспоминал про своего соправителя, лишь номинально считая его равным себе.

– А что если мы, бояре, нынче же, не откладывая, поход на Новгород соберем? Как ты считаешь, Данила, – обратился он к двоюродному брату, воеводе Холмскому. – Ты в те края лучше всех пути знаешь, не застрянем мы там теперь, летом, в болотах?

– С Божией помощью, государь, в любое время года пройти можно, – привстал и поклонился в сторону Иоанна Данила. – Но лучше не рисковать, сдвинуть поход поближе к осени.

А сам подумал: «Как изменились отношения Иоанна с приближенными за какие-то пять — семь лет! Уж без поклона и слово не скажешь, и господином не назовешь, только государем. Попробуй посмотреть на него дерзко или без почтения – так и охолодит взглядом, а то еще и в темницу угодишь, причина всегда найдется, как теперь с Новгородом. Скажут, хотел в Литву убежать, а доказательства найдутся!».

Закончив опрос приближенных, Иоанн поднялся и приказал:

– Известить всех бояр, воевод, братьев моих, всех, кто в Москве ныне находится, через три дня назначаю думу, будем вместе решать вопрос о походе на Новгород. Я же пока с митрополитом, богомольцем своим, посоветуюсь и с матушкой, Марией Ярославной.

Противников похода на Новгород среди москвичей не нашлось. Хотя, конечно, не все с легким сердцем согласились на новый вояж – затраты он сулил немалые, каждый воевода дол-

жен был полки на свои средства собирать-снаряжать. Иоанн, правда, в помощи не отказывал, но при этом советовал тем, у кого не хватало средств, лезть в кабалу, то есть занимать деньги, либо хозяйствовать рачительнее, быть бережливее. А это значило, что мог и места лишить доходного. Хорошо ему советовать, когда сам он огромные доходы имел со своих обширных владений, с любой торговли прибыль получал, с одного Новгорода дважды добро обозами свозил... А откуда столько средств у бедных князей-наместников, у кого и земли-то с гулькин нос, да и с той часть налогов надо в общий государственный котел, тому же Иоанну, отвалить?

Хотя, конечно, поход сулил не одни только убытки, но и доходы. Если Новгород будет покорен, добра там всем хватит, и государь не очень-то строго спрашивает за разор побежденных. Да до Новгорода по пути полно еще мелких сел и городишек, где тоже есть чем поживиться. Так что вполне может стать, что поход не только окупится, но еще и прибыль принесет. А людских потерь в минувшие два победоносных похода на Новгород и вовсе почти не было. Словом, по всем раскладам бояре-воеводы оказались сторонниками военного решения проблемы.

Одобрила поход и вдовья великая княгиня Мария Ярославна, которая по объему своих доходов и земель уступала, пожалуй, лишь митрополиту да сыну своему, великому князю, оттого и войско должна была снаряжать немалое, и слово имела при принятии решений весомое.

И снова начались в московских храмах бесконечные службы, молили Господа о поддержке и помощи в борьбе с отступниками, раздавали милостыни монастырям и бедным. Во все концы государства Русского полетели гонцы с требованием Иоанна собирать войска: в Тверь, к братьям в их уделы, где они обычно проводили лето, в Псков, в Ростов Великий, Ярославль, в Касимов Городец на Оке, в Дмитров, Кашин, Углич, Алексин, Серпухов...

Далеко не все понимали, сколь важную и серьезную акцию задумал государь Иоанн Васильевич. Удивлялись лишь размаху, с которым готовилась рать, ее численности. А решил он про себя ни много ни мало, как привести Новгород в полное свое подчинение, сделать его такой же частью своего государства, как и прочие земли, лишить права принимать важные решения, а значит, и веча. Понимал Иоанн, что самостоятельно Новгороду, как и Пскову, против объединенного натиска едва ли не всей Европы уже не выстоять. Так или иначе, придётся им либо с единой Москвой объединяться, либо склониться перед Литвой или немцами. Не понимают люди, что поддавшись Литве, больше свободы и воли они не получат. Только врагов Руси укрепят. Отстоять свою независимость Русь может лишь в единстве. Слишком много у нее охочих до чужого добра соседей.

Конечно, предвидел Иоанн, что по доброй воле новгородцы его условий не примут, будут отстаивать свои мнимые свободы. Допускал и заступничество, вмешательство короля Казимира, который мог прислать полки в поддержку новгородцев. Потому готовил такую силу, которая могла бы сломить любое сопротивление, устрасить даже самого смелого противника.

Никто из князей уже не смел ослушаться великого князя Московского и всея Руси. Повсюду начался сбор войск. Сам Иоанн тоже не терял времени зря. Он приказал дьякам приготовить схемы расположения новгородских земель и данные обо всех монастырях вокруг самого Новгорода. Конечно, дорогу туда воеводы знали хорошо. Но Иоанн сам разрабатывал схемы движения полков, чтобы каждый из них имел свой путь, не пересекаясь с другими, чтобы для всех хватало по селам и деревням кормления, чтобы между своими же не возникло споров и неудовольствия. Конечно, советовался с опытными полководцами Холмским, Палицким, Патрикеевым, братьями Оболенскими.

Расчертив схемы маршрутов, высчитав количество дружин от разных земель, во главе каждого поставил вместе с местными воеводами опытных московских полководцев. Например, Данила Холмский должен был возглавить передовые полки с детьми боярскими, владимир-

цами, переславцами и костромичами, Федор Давыдович – детей боярских двора великокняжеского и коломенцев, Семен Ряполовский – суздальцев и юрьевцев, Андрей Меньшой, брат великокняжеский, – ярославцев, угличан, бежичан. К ним должны были также примкнуть и отряды матери Иоанна – ростовчане, которых возглавлял ее воевода Семен Пешек.

Вновь в полную мощь заработали мастерские, ковавшие доспехи и оружие, великий князь сам не ленился, ездил повсюду, смотрел, торопил, раздавал и продавал оружие. Собирались в поход основательно, решив сдвинуть его к осени, когда дороги к Новгороду просохнут, ибо на вторую такую удачу, которая выпала московскому воинству пять лет назад, в великую засуху, рассчитывать не приходилось.

Перед самым выступлением в поход Иоанн послал в Псков очередного гонца с указанием подготовить на Новгород не только войско, но и пушки с пищальями: на случай осады и приступа. Рассудил так: зачем тащить с собой всю эту тяжелую приправу из Москвы по ненадежным сырым дорогам, если ее могут доставить псковичи? Конечно, кое-что придется прихватить и самим.

Весть меж людей что ветер. Казалось, гонцов никто не слал и писем не писал, а уж весь Новгород, как один, прознал, что великий князь Московский собирает на них военный поход. Вновь замер город от ужаса. Сразу вспомнились жестокие захваты новгородских городков и селений, убийства и пожары пятилетней давности. Заметили, что повсюду встречаются люди с обрезанными губами и носами, напоминая своим видом о минувшем разгроме у реки Шелони. Вмиг у простого люда оживилась память о минувших сражениях за мифическую для них вольность, которые принесли лишь разорение и смерть. С волнением ждали и ловили самые свежие новости: Псков взял сторону Москвы, обещал привезти для осады пушки, приметы, пищали, Тверь – тоже шлет войска, про иные города и говорить нечего. Стало ясно, что подготовка к войне и блокаде ведется нешуточная.

Несколько дней обсуждали новость, нередко с оглядкой, – боялись и московских шпионов, и своих борцов за свободу, лишь недавно растерзавших великокняжеских сторонников. Высказывали надежду, что, Казимир на этот раз вступится за них, поможет, возьмет под свою защиту. Но страх перед большой реальной бедой быстро делал свое дело, и скоро уже на всех улицах и во дворах начались громкие, без опаски, споры: слать ли к Казимиру за помощью и спасением, бежать ли к Иоанну с поклонами и раскаянием.

Скоро выяснилось, что к Казимиру Литовскому и без вечевого совета уже посылали за поддержкой и получили ответ: сочувствует Казимир новгородцам, да помочь ничем не может, так как Матвей Корвин, венгерский король, не дает ему покоя, а сейм – денег. А без войска и без денег, сами понимаете...

Оставалась одна проторенная и испытанная дорога – на поклон к великому князю. Но теперь это сделать было непросто. Известное дело, если Иоанн объявит войну, послов тут же арестуют. Стало быть, нужна для них опасная грамота с гарантией, что ничто им не угрожает, что великий князь готов к переговорам. Кого послать? Желających из бояр и посадников не находилось. Судили-рядили, чуть ли не насильно уговорили ехать старосту с Давыдовской улицы Федора Калитина. Тот уехал да как в воду канул. Вскоре, однако, выяснилось: не захотел Иоанн и близко его к себе подпускать, приказал держать в Торжке до своего прибытия. Значит, поход всей Руси на Новгород становился неотвратимым.

И началась на земле Святой Софии настоящая паника. Снова подняли головы сторонники Москвы:

– Что, вольными подыхать слаще? – кричали они на вече, которое собралось в очередной раз для принятия решения, как быть дальше.

– А вот и слаще, пусть лучше убьют, чем на брюхе ползать!

– Так и подышайте, другим жить дайте. Поглядим, куда ваша смелость денется, когда войска под стенами встанут!

Как бы там ни было, решили укрепить крепостные ворота, подготовить пушки к обороне, проверить оружие, доспехи, призвали оружейных мастеров потрудиться усердно ради новгородской свободы. Загородили Волхов судами, чтобы не прошли вражьи войска по реке, дали на вече друг другу клятву в верности и единодушии. Избрали руководить всей обороной воеводу новгородского, князя Василия Шуйского-Гребенку.

Немалое количество сабель и пицалей закупили купцы по марфиному заказу – они подошли вовремя. Но правду сказать, на победу в бою особенно-то никто и не рассчитывал. Была лишь одна надежда – крепкие стены новгородской крепости, которую до сих пор никто и никогда приступом не брал. Авось и на этот раз спасут. Знающие новгородцы, однако, высказывали на этот счет большие сомнения. Не случайно великий князь из западных стран мастеров себе повез разных, в том числе и оружейных. Не дай Бог, и тут что новое придумает! Совещались, совещались и вновь прибегли к самому надежному способу: послали навстречу великому князю нового опасника – житного человека Ивана Маркова. И теперь уж наказали: назвать его, коли он того желает, от имени всего Новгорода государем. И велели просить, умолять, чтобы выдал опасную грамоту для проезда на переговоры с ним новгородской делегации – владыки и посадников, чтобы принял их и выслушал.

Тем временем в Москву продолжали стекаться со всего государства Русского войска, приезжали посыльные из северных уездов и княжеств за приказами, когда и в каком направлении выходить войскам. Снова Москва наполнилась всадниками, гарцующими перед московскими красотками в дорогах доспехах и при оружии, с саблями, колчанами, драгоценными поясами, на которых крепились ножи, кинжалы и сабли.

30 сентября 1477 года Иоанн послал в Новгород разметную грамоту с подьячим Родионом Богомоловым. Объявил войну. А уже 9 октября, в четверг, в день памяти святого Апостола Иакова, отстояв заутреню и получив благословение духовного отца своего митрополита Геронтия и матушки Марии Ярославны, тронулся великий князь со своим воинством в путь, к пока еще вольному Великому Новгороду.

Властвовать и править на Москве остался Иван Молодой. Он тоже просился в поход, рвался в бой, но отец решил оставить его дома в безопасности. Он даже в малой степени не хотел рисковать своим единственным наследником. И, пожалуй, в первый раз пожалел, что он у него единственный.

И снова потекли всеми дорогами, какие только вели с южных земель на север, войска. Сам великий князь с младшим братом Андреем Меньшим шел в сторону Волока и уже 14 октября отстоял тут обедню. Здесь же он встретился со знаменитым тверским вельможей, князем Андреем Борисовичем Микулинским, который привез приглашение великого князя Михаила Борисовича Тверского посетить его город. Иоанн глянул на гостя своим пронзительным оком и сказал сердито:

– Не пировать, чай, я еду, а воевать. Вы мне лучше больше полков пришлите да кормов. А гулять мне по чужим городам недосуг.

Но Микулинского за свой стол пригласил, потчевал радушно, можно сказать, ласково, чарку серебряную подарил.

Тверской великий князь не посмел ослушаться, начал готовить дружины к походу, прислал съестные припасы для москвичей.

Неотвратимо приближалось неисчислимое московское воинство к Новгороду. Сам Иоанн шел с отборными полками между Яжелбицкой дорогой и рекою Метой, царевич Даньяр и Василий Образец с войсками – по Замете, Даниил Холмский – перед Иоанном. По правой стороне

от государя двигался князь Семен Ряполовский с суздальцами и юрьевцами, по левой – брат великокняжеский Андрей Меньшой. Все пространство между дорогами Яжелбицкой и Демонской занимали дружины князя Александра Васильевича и Бориса Михайловича Оболенских; по самой дороге Яжелбицкой двигался Федор Давыдович Палицкий с князем Иваном Васильевичем Оболенским с братьями и многими детьми боярскими.

Новгород тем временем заполнялся беженцами: люди боялись грабежей и убийств, спешили со всех окрестных земель спрятаться за стены крепости со своим скарбом, лошадьми, телегами, живностью. Князья с боярами делили власть, а урон несли маленькие простые люди, которые не принимали никаких решений, не требовали свободы, не боялись сменить одних господ на других. Они хотели лишь, чтобы им не мешали жить и работать по их силам. Но приближалась гроза, и они знали, что она пристукнет в первую очередь именно их, наименее защищенных, и они бежали в город, куда их не очень-то хотели пускать те, кто эту войну затеял. Крепость наполнялась, создавая тесноту, неудобства, грязь. Наступали холода, для многих людей не хватало помещений, им приходилось ночевать и жить на своих телегах, в шатрах, пристраиваться на сеновалах у добрых людей, в их холодных сенях, на дворах. Появились проблемы с едой. Новгород начинал стонать.

19 октября в Торжке Иоанн одержал первую маленькую победу. Здесь ему пали в ноги два новгородских боярина – Лука Клементьев с младшим братом Иваном. Оба просили великого князя принять их на службу. Конечно, расспросил он братьев, что творится в Новгороде, как настроены люди. Братья сказали честно:

– Поначалу, государь, все возмутились, что ты хочешь их независимости лишить, веча. А теперь страшно стало, народу набилось в крепости, словно сельдей в бочке, паника начинается...

– А что же вы сюда пожаловали?

– Мы, государь, и сразу своим землякам говорили, что Русь единой быть должна, что мы, христиане православные, не должны за Литву держаться. Мы за тебя стоим.

– Хорошо, – довольно молвил Иоанн, – дело я вам найду, пока ступайте к окольному Ивану Васильевичу Ощере, он вас пристроит.

27 октября на Волочке пожаловал еще один перебежчик – посадник новгородский Григорий Михайлович Тучин. У того были особые причины поспешить навстречу Иоанну. Чувствовал посадник, что и на этот раз возьмет верх государь Московский и крепко не поздоровится его противникам. И в числе первых достанется ему, Тучину. Причем не за какие-то новые грехи, а за все предыдущие вместе. Отец его, Михаил Иванович Туча, был двадцать лет назад взят в плен отцом нынешнего князя Василием. Сам он по доносу был арестован во время прошлого мирного похода государя за измену, за противоборство со сторонниками Иоанна. Еле откупился с помощью владыки и был, как и некоторые другие пленные новгородцы, отпущен после того, как дал клятву не сражаться больше с Москвой, не глядеть в сторону Литвы.

Когда он увидел, как расправились его земляки с Василием Никифоровым, попавшим вместе с ним в плен и отпущенным лишь после принесения клятвы верности Москве, и за то убитым на вече, Тучин испугался. Не стал ходить на вече, не стал спорить. Пошептались дома с женой, закопали на всякий случай в тайное место под домом все самое ценное, затаились. Когда повалили в Новгород беженцы, бежал он навстречу признанному им государю, благо кругом такое творилось, что до него никому дела не было. Бежал посадник, и не считал себя ни в чем виноватым. Пока сидел он в московской темнице, о многом передумал. И понял, что ничего плохого не случится, если Новгород станет частью единого государства. Да, придется им с Москвой доходами своими делиться. А теперь разве не делятся? Да за один свой «мирный» поход двухлетней давности государь вывез от них больше, чем мог бы в виде налогов за несколько лет изъять! А война 1472 года? Когда за одно лишь лето столько людей поубивали

московские войска, столько порушили, что до сих пор еще не восстановили. Не-ет! Он, Тучин, свой выбор сделал. Еще там, в Москве, когда клятву давал.

Оставил Иоанн и посадника Тучина у себя, поверив в его искренность. А на другой день, уже в Березке, принял и следующего перебежчика – Андриана Савельева...

Каждое утро, еще до рассвета, поднималось на огромном пространстве русское воинство и начинало свое мерное движение вперед – на телегах, верхом, пешком, в кибитках. В окружении Иоанна находились не только воины и слуги всех специальностей, но даже летописец, который был обязан запечатлеть великий момент окончательного присоединения вольного Новгорода к Московскому государству. Взял великий князь с собой в поход и зодчего Аристотеля Фьорованти, завершившего основные свои труды по возведению собора Успения и подземных хранилищ с тайниками. Великий князь убедился, что мастер и в самом деле способен не только здания строить, но и оружие делать, пушки лить, в состоянии организовать правильную осаду и штурм крепости. Кроме того, путь в Новгород лежал через множество рек и речушек, Аристотель же рассказал и показал уже на деле, как можно быстро и надежно организовать переправу. Скрепив вместе особым способом лодки, он, таким образом, быстро перебрасывал прямо по воде с одного берега на другой мост, способный выдержать не только войска, но и тяжелые орудия.

2 ноября в городок Турны, где остановился Иоанн, прибыл посол из Пскова Харитон Качалов с грамотой, в которой говорилось: «Господину государю великому князю Ивану Васильевичу, царю всея Руси, посадник псковский степенный и старые посадники, и сыновья посадничьи, и бояре, и купцы, и житии люди, и весь Псков, отчина ваша, своим государям и великим князьям русским челом бьет...»

Иоанн, читая послание, усмехнулся. Псковичи, конечно, знали, что явилось причиной нынешнего его похода на Новгород. И предусмотрительно назвали его всеми титулами, которые могли только вообразить себе и какие, по их мнению, могли быть приятны великому князю. Да уж, не поскупились... Но оказалось, неспроста столь слезно и униженно начинали свое послание покладистые псковичи. «По вашему, государей наших, велению, – писалось далее в грамоте, – мы во второй раз послали в Великий Новгород складную разметную грамоту с объявлением войны, и послы наши уже вернулись. Но ныне, по грехам нашим, случился пожар, и весь Псков погорел, и мы вам, своим государям, со слезами являем свою беду...»

«Вот каналы, – подумал Иоанн, дочитав послание, – небось, сами и подожгли город, лишь бы в поход не выступать против своих бывших покровителей. Боятся, что и до их вольности очередь дойдет? А ведь дойдет! Впрочем, они и без того признают его своим государем, не досаждают капризами и просьбами, даже налоги стали платить. Если дело так пойдет, Псков и без всякого насилия станет частью российского государства. Да и куда им деваться? Одному городу против объединённого европейского войска не устоять».

Что же делать с псковичами? Пожалуй, пепелище подождет месяц-другой. А пушки с пищальями и мастера по стрельбе срочно нужны под стенами Новгорода, хотя бы для устрашения. Так что пусть срочно выступают.

Иоанн кликнул гонца, и тот через час уже мчался в Псков с приказом: несмотря ни на что срочно выступать с орудиями к Новгороду.

4 ноября к войску присоединились полки тверские под командованием знаменитого воеводы Михаила Федоровича Микулинского. А 8 ноября Иоанн принял, наконец, в Еглине у Спаса опасчиков новгородских Федора Калитина и Ивана Маркова, прождавших его больше месяца. Те упали ему в ноги и без колебаний назвали от имени всего Великого Новгорода государем. Просили об охранной грамоте для владыки и других своих послов. Иоанн дал им такую грамоту, но вскоре, уже в Лотьске, прибыл еще один опасчик, просивший сопровожде-

ния для посольства новгородского, чтобы провели их через великое войско великокняжеское. Отпустил Иоанн с ними сына боярского Михаила Погожева, которого хорошо знали в полках.

И вот 12 ноября, когда рать Иоанна стояла уже совсем неподалеку от крепости, в Сытине, пожаловала к нему представительная новгородская делегация во главе с самим владыкой Феофилом, степенным посадником Фомой Андреевичем Курятником и степенным тысяцким Василием Максимовичем Ананьиным.

Замерли все в низком поклоне перед великим князем, ждали, пока не заговорил жалостливым голосом владыка:

– Господин наш государь Иоанн Васильевич, со слезами мы тебе от имени всего Новгорода Великого челом бьем...

«То-то, – подумал Иоанн, – быстро со страху о вольности подзабыли, не поостереглись и государем признать. Погодите, не то еще будет!»

А Феофил тем временем, все так же жалостливо и покорно, продолжал:

– Ты возложил гнев на свою отчину, на Великий Новгород: огонь и меч твой ходит по земле нашей, кровь христианская льется. Государь! Смилуйся! Молим тебя со слезами, дай нам мир! – и неожиданно для Иоанна и его окружения добавил: – Освободи бояр новгородских, заточенных в Москве!

Тут же к мольбам и просьбам владыки присоединились остальные члены посольства.

Закончив эту вступительную речь и видя, что хозяин молчит, владыка отошел в сторону и уступил место посаднику Луке Федорову, который продолжил длинно и витиевато, собрав в кучу еще не совсем привычные подданным новые титулы повелителя:

– Господин государь великий Иоанн Васильевич всея Руси, бил тебе челом, государю своему, богомолец твой владыка, да и посадники, и житии от всего Новгорода, чтобы государь пожаловал нас...

Суть его длинной и запутанной речи заключалась лишь в том, что он просил милости и прощения от имени всего Великого Новгорода да спрашивал, когда и с кем можно начать переговоры о дальнейшей судьбе и об устройстве их земли.

И на этот раз Иоанн ничего не ответил им, однако пригласил на обед и неплохо угостил. А на обеде назначил руководителем переговоров боярина своего Ивана Васильевича Патрикеева. Они начались прямо на следующий день, тем не менее, новгородский владыка успел «подмазать» – посетил братьев великокняжеских и важнейших московских бояр со щедрыми подношениями, умоляя вступить за них перед великим князем.

Поначалу москвичи более молчали, говорили новгородцы, высказывали предложения – какими бы хотели они видеть в дальнейшем взаимоотношения свои с государем, с его центральной властью. Прежде всего, Яков Короб просил Иоанна нелюбовь свою отложить и меч унять.

Посадник Лука Федоров изложил давно уже обдуманное на совете господ у архиепископа предложения:

– Желаем, чтобы государь князь великий пожаловал свою отчину, ездил бы к нам в Новгород на четвертый год и имел бы по 1000 рублей. А велел бы суд судить наместнику своему, да посаднику в городе, а если они не справятся, решал бы сам во время приездов на четвертый год.

– Да еще хотели бы мы, чтобы московские наместники не судили владычных судов, – добавил Яков Федоров еще одно условие, при котором новгородцы готовы были идти на компромиссы.

Видя молчание московских бояр, поняв, что тех не устраивают предложенные условия, и, не зная, как договариваться дальше, посадник Яков Короб попросил:

– Передайте от нас государю нашему Иоанну Васильевичу, чтобы пожаловал нас, указал своей отчине, как ему Бог положит на сердце отчину свою жаловать, как нас устроить.

«С того бы и начинали», – подумал про себя Патрикеев, сочувствовавший новгородцам, но имевший четкие указания, как и о чем договариваться. Потому, услышав то, что требовалось, он обещал все доложить великому князю и решение его в ближайшее время сообщить.

Иоанн тем временем продолжал полным ходом вести подготовку к осаде противника. Несмотря на явное желание новгородцев идти на уступки, он понимал, что получить всего, что ему необходимо, будет не так-то просто. Ведь формального признания новгородцами его над собой государем было далеко недостаточно.

Он хотел полного их покорения, хотел, чтобы Новгород стал его рядовой отчиной. Чтобы передал ему в полное владение значительную часть обширных новгородских земель. Он не желал более терпеть наличие врагов со всех четырех сторон своего государства.

Когда Патрикеев изложил Иоанну пожелания новгородцев, тот лишь усмехнулся и созвал своих воевод. Разложил перед ними схему расположения крупнейших монастырей вокруг города и приказал:

– Надо, не медля, занять их. Это хорошие базы для расположения войск, для зимней осады. Главное, взять Городище. Туда отправитесь с полками ты, брат Данила, ты, Федор Давыдович, и ты, Иван, – обратился он к князьям Холмскому, Палицкому и Оболенскому Стриге. – На другую сторону города, к Юрьеву монастырю и к Аркажу, пойдешь ты, Семен, – обернулся он к Ряполовскому, – с тобой – князья Оболенские и Сабуровы Василий с Семеном, возьмешь также с собой полки брата Андрея Меньшого и Марии Ярославны. Пусть и Елизар Гусев с тобой отправляется со своим полком. Знаю, что мороз на дворе, что холодает к вечеру, но выходить надо немедленно, прямо по льду через Ильмень, пока враг не спохватился, не наладил там оборону. Да и полкам нашим вместе стоять тут тесно и холодно.

Войска, не откладывая, в тот же вечер тронулись в указанные места. Пока новгородские послы томилась, ожидая утром ответа великокняжеского, его войска в ночь с понедельника на вторник беспрепятственно заняли все крупнейшие пригородные монастыри и обеспечили себе теплое и сытное пристанище на все время осады. А о ней Иоанн думал со всей серьезностью. Он прекрасно понимал, что крепость новгородская хоть и стара, но весьма прочна, взять ее приступом будет непросто. Он помнил, что этого, при всем желании, за сотни минувших лет не смогли сделать ни шведы, ни немцы. Конечно, у него теперь более мощное и современное оружие, но он не хотел без особой нужды рисковать своим войском, людьми, да и новгородцев по-своему жалел.

25 ноября к новгородским послам, подъехавшим с утра пораньше в ставку, вышли князь Патрикеев и братья Тучковы-Морозовы. В ответ на почтительные приветствия и глубокие поклоны они также слегка пригнули свои спины. Отвечать на вопросы послов важным и даже отрешенным голосом начал Патрикеев, да с таким видом, будто вовсе и не принимал от новгородцев дорогих подарков, не обещался замолвить за несчастных словечко:

– Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси тебе, своему богомольцу владыке, посадникам и житым людям так отвечает на ваше челобитье, – он демонстративно сделал шаг в сторону, уступая главное место следующему боярину.

По всей видимости, Патрикеев, играя первую роль в переговорах и не желая уступать ее, тем не менее, не хотел брать на себя обязанность зачитывать обидные для послов речи. Вместо него заступил Василий Тучков, который, достав грамоту, стал от имени великого князя перечислять все прегрешения осажденных:

– Ведаете сами, что вы предлагали нам, мне и сыну моему, через сановника Назария и дьяка вечаемого Захарию, быть вашими государями. Мы послали бояр своих в Новгород узнать, что разумеете под сим именем. Но вы заперлись, укоряя нас, великих князей, насильем и ложью; сверх того делали нам и многие иные досады. Мы терпели, ожидая вашего исправления; но вы более и более лукавствовали. И мы обнажили меч по слову Господню... – Василий Тучков процитировал пространно Священное Писание и продолжил дальше от имени Иоанна: –

Мы посылали к вам и говорили: уймитесь, и будем вас жаловать, но вы не захотели того и сделались нам как бы чужды. И так, возложив упование на Бога и на молитву наших предков, великих князей русских, идем наказать вас за дерзость.

Василий Тучков свернул листок и, слегка откашлявшись, поглядел на брата Ивана, который тоже держал в руках листок. Это маленькое представление они подготовили заранее, обговорив, кто что скажет, разделив необходимость говорить неприятные вещи, в общем-то, симпатичным и щедрым к ним людям. Иван Тучков продолжил читать:

– Вы хотите свободы боярам вашим, мною осужденным; но ведаете, что весь Новгород жаловался мне на их беззакония, грабежи, убийства. Ты сам, Лука Исаков, находился среди истцов; и ты, Григорий Киприянов от имени Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидетелями их уличения. Я мыслил казнить преступников, но даровал им жизнь, ибо вы молили меня о том. Пристойно ли вам ныне упоминать о сих людях?

Иван Борисович тоже замолк, не спеша свернул листок, сочувственно глядя на толпу хмурых, несчастных новгородцев, которые только недавно узнали, что захвачены Городище и Юрьев монастырь, что Иоанн продолжает, готовиться к осаде.

– Что же нам теперь делать? – растерянно спросил кто-то из этой толпы.

Ответил князь Иван Юрьевич Патрикеев:

– Если Новгород действительно желает милости государя, то ему известны условия...

В тот же день архиепископ Феофил со всем посольством отправился, не солоно хлебавши, назад к себе в Новгород, на совет.

Переговоры с послами никак не сказались на действиях великого князя: он продолжал задуманное. 27 ноября, в четверг, его войска перешли через промерзшее озеро Ильмень и заняли пригородный Троицкий монастырь на Паозерье в Лощинском селе. Место здесь было прекрасное – на высоком берегу Волхова в трех верстах от самого Новгорода. Когда-то тут стоял терем Ярослава Великого, именуемый Ракомлей. Теперь он разрушился, на его месте возвели прочные монастырские постройки. Здесь Иоанна встретили суровые молчаливые иноки, не сделавшие даже попытки запереться от москвичей и держать оборону. Не успел государь расположиться, как прискакал гонец от воеводы великого князя Тверского – Михаила Федоровича Микулинского, чьи полки тоже подходили к монастырю. Иоанн пригласил князя к себе, а полкам его приказал расположиться станом неподалеку. Заглянув в свои карты и планы, велел стать ему в обители святого Николая на Острове. Разослал по свободным объектам и остальные подходящие полки.

Таким образом, через несколько дней все пригородные монастыри под Новгородом оказались заняты подчиненными великому князю полками. Князь Андрей Меньшой расположился в Благовещенской обители, Иван Юрьевич Патрикеев – в Юрьевской, Данила Холмский – в Аркажи, Василий Сабуров – у Пантелеймона святого, Александр Оболенский – у Николы на Мостищах. На Городище остались Федор Давыдович Палицкий да князь Иван Стрига-Оболенский, а рядом, в монастыре на Лисичьей Горке, устроились войска молодого князя Василия Михайловича Верейского. 29 ноября, одним из последних, подошел с полками брат великокняжеский Борис Васильевич Волоцкий – его Иоанн отправил к Корчневу, владычьем у селу, что на Волхове, ниже по течению.

Теперь город был со всех сторон плотно обложен войсками, расквартированными с достаточными удобствами. Правда, не подошли еще полки строптивного брата великокняжеского Андрея Большого Угличского да царевича Даньяра из Касимова. Но и те по донесениям гонцов должны были вскоре подоспеть.

Дело стало лишь за погоревшими псковичами, от которых вот уже несколько дней не было известий. Это не нравилось Иоанну. Беда бедой, а приказ надо выполнять. Он срочно направил к ним еще одного гонца – Севастьяна Кушелева с требованием немедленно идти к Новгороду. Но не успел гонец промчаться и десяти километров, как встретил псковичей на реке

Шелони у Солцы. Те не посмели послушаться великого князя, отложили хлопоты по устройству погорельцев и тронулись с пушками, пищальями и стенобитными орудиями под Новгород.

Следом за псковичами прибыл и царевич Даньяр с татарами и великокняжеские воеводы Василий Образец, Петр Оболенский и Иван Звенец. Татарам Иоанн велел расположиться в Кирилловом монастыре и у Андрея Святого, на Городищенской стороне, Оболенскому со Звенцом – в Ковалевском монастыре, Василию Образцу с боровичами – в Спасском на Болтове. Хватило места и для Андрея Большого Угличского, который пожаловал к месту сбора последним.

– Видать, не спешил, – хмуро сказал Иоанн, сурово поглядывая на брата.

– Долго не мог полки собрать, – отводя глаза в сторону, оправдывался Андрей.

Он и в самом деле не хотел драться с новгородцами, видя в них своих возможных союзников и даже товарищей по несчастью. Ведь и их, своих родных братьев, хотел Иоанн лишит наследственных прав и вольностей. Запрещал им приглашать великокняжеских бояр на службу, а сам брал к себе кого хотел. По любому его приказу или капризу они, братья, должны были собирать войска и мчаться куда прикажут. Ладно, Русь от татар или литовцев защищать, а то своих же братьев-новгородцев громить. И только за то, что покоряться ему не хотят, слугами его делаться не желают.

С детства ревностно относился Андрей Большой к старшему брату. Разве не одного они рода-племени, не от одних отца-матери происходят? Отчего же такая несправедливость? Тому – и власть, и богатство несметное, и право повелевать. А его доля – подчиняться. И только потому, что родился чуть позже? Несправедливо!

Вот и теперь, хотел, было, Андрей послушаться, дома остаться, да в последний момент не решился обострять отношения. Отложил свой бунт «на потом», до более подходящего момента.

Упрекнув брата за позднее прибытие, тем не менее, довольный его послушанием, Иоанн отправил князя Андрея Васильевича с его полком на постой в Воскресенский монастырь на Деревянице, пригласив к себе на следующий день на обед.

Теперь все было готово хоть к приступу, хоть и к осаде. Но рисковать своими дружинами, губить солдат Иоанн не спешил. Стало быть, предстояло второе: длительная осада, способная заставить строптивых новгородцев, вдоволь настрадавшись, согласиться на любые его условия. А значит, требовалось немалое пропитание для войск. Этим пришлось и заняться, не откладывая.

30 ноября великий князь созвал воевод и приказал половину всех дружинников разослать по окрестностям добывать себе корма у местных жителей. Наметил точную дату, когда все должны были вернуться на места: 11 декабря, в четверг, в Николин день. Вторая половина войск должна была стоять на месте и соблюдать строгую дисциплину, которую он пообещал контролировать лично сам. А чтобы полки не стояли без дела, не скучали и не голодали, он придумал целую программу для их увеселения. Приказал, например, псковским купцам и прочим торговым людям ехать под Новгород с товарами, причем гарантировал, что торговля будет честной, за деньги. Псковичи и на этот раз не послушались, и вскоре в монастырях и селах, где стояли полки великокняжеские, развернулись обширные торжища, где продавались калачи да пироги, рыба всех сортов и видов – соленая и вяленая, вареная и сырая, меды и прочие разносолы. Привезли псковичи несколько обозов с хлебом и даром, «на корма». Подвозили еду и из других городов, в том числе из Твери, Вышнего Волочка и из прочих. Словом, нужды войска не знали ни в чем.

Совсем иное творилось в Великом Новгороде. Там с нетерпением ждали результатов переговоров, а услышав, что великий князь не желает никаких полумер, требует, чтобы Новгород сдался на полную его волю, приуныли. Еще кричали на вече, что слишком многого хочет

государь Московский, еще называли его узурпатором, призывали дать отпор, обороняться, умереть за свою независимость, но когда в окна к ним начала заглядывать самая настоящая голодная смерть, испугались. Запасы в городе таяли с невероятной быстротой. Народу здесь набилось – больше некуда, уже доедали все, что ходило и двигалось, – голубей, кошек, собак, коней. Хлеб вздорожал так, что стал не по карману и середняку. Богатые, продав часть запасов и увидев, что в случае продолжения осады самим придется голодать, начали прятать еду подальше, крепче запирали ворота и сараи, где еще оставалась живность – куры, гуси, выставляли охрану из слуг и дворовых.

Беда не ходит одна. Там, где голод, холод, – там и все прочие напасти. Появились первые подозрительные больные, чьи страдания усугублялись обстоятельствами.

Чуть не каждый день собирал Феофил в Грановитой палате совет господ, совещался с посадниками и тысяцкими, с представителями всех концов города. То и дело скликали народ на вече. Людей приходило с каждым днем все меньше: боялись распространяющейся заразы, берегли силы. Обложенный со всех сторон великокняжескими войсками город не получал никаких продуктов, но вести одна страшнее другой все-таки доходили. Осаждавшие грабили окрестные села и деревни, убивали людей. Те, кто бежал со страху по лесам, замерзали вместе с детьми и живностью, а кого находили живыми, порой казнили без жалости, отбирая весь скарб. Будто новгородцы и не православные вовсе, и не славяне. Горела и стонала Новгородская земля, как и пять лет назад. Но тогда хоть надежда была на леса и болота, где летом, в тепле, можно было все-таки укрыться и переждать напасть, теперь же, в мороз, и той надежды у людей не осталось. Каждый новый день приносил новые жертвы. И с каждым днем все покладистее и стоворчивее становились новгородцы на своих сборах. Замолкали потихоньку сторонники Литвы, затихали и радетели за свободу.

Сама непримиримая Марфа Борецкая, почуяв неладное, затворилась за крепкими дубовыми воротами и уж не выходила никуда, а прослышав про заразу, перестала выпускать и слуг. Запасов в доме, в его подвалах и погребках должно было хватить надолго, колодец во дворе был собственный. Сидела Марфа либо одна в своей молельне, либо с внуком в кабинете, не могла наглядеться на мальчика, чуя скорую свою погибель. Одна мысль утешала: «Внука не тронут, ребенок ни в чем не виноват!»

На последнем совете господ решили новгородцы, что тянуть больше нельзя, ждать помощи неоткуда. Надо ехать к государю Московскому на поклон, отдаваться на полную его волю. Но что это значило для них? Ясно, что ничего хорошего. Что предстоит лишиться им воли и независимости. Стало быть, отказ от вече, московский суд. А что еще?

Теперь уже люди мечтали об одном: чтобы москвичи не разорили и не разграбили весь город, чтобы не арестовывали людей и не увозили их в темницы и в другие земли... Высказывались на совете осторожно, уже не требовали, а лишь предлагали Феофилу и другим послам обсудить те или иные вопросы с государем, молить его о милосердии. Да и сам владыка видел: не до жиру.

4 декабря новгородское посольство вновь прибыло в ставку великого князя, на сей раз в Паозерье, в знаменитый Троицкий монастырь. Игумен монастыря встретил своего владыку, как и великого князя, покорным молчанием, лишь позже рассказал потихоньку, что монахов захватчики не обижают, не грабят, живут мирно. Зато подвластным обители деревням и селам досталось по самую макушку, хуже некуда, ограбили и обобрали народ подчистую, до последнего зернышка. Стало быть, если кто теперь же от оружия или иного насилия не сгинет, так потом с голоду помрет. Сказал также игумен, что в монастырь часто братья государевы съезжаются, он им честь и уважение оказывает.

К представительному новгородскому посольству вышли от великого князя его бояре, среди которых были и те, кто вели уже прежние переговоры – Патрикеев, Ряполовский, Иван

Стрига да братья Тучковы-Морозовы. Слезно молили послы, чтобы пожаловал их государь Иоанн Васильевич, чтобы унял он свой меч и указал своей отчине, как Бог положит ему на сердце ее жаловать.

Ушли бояре на совещание к государю, но вскоре вернулись; сообщили, что не желает с ними разговаривать Иоанн, а велел передать, что, мол, они знают, чего он желает.

Вечером отправились новгородские послы с дарами к братьям великокняжеским. Молили о помощи и содействии. Затем снова всю ночь совещались в тесной монашеской келье, в которую поместил их всех вместе игумен Троицкий, – остальное все было забито до отказа. Совещались, как быть дальше, чем умилоствить Иоанна, гадали, чего он от них хочет. Решили, что в первую очередь ждет он подтверждения, будто действительно посылали они в Москву от имени Новгорода и покойного Захара Овина, и сбежавшего куда-то Назара Подвойского с признанием его своим государем.

Согласиться на это значило взять на себя вину во лжи, в лицемерии, обелить Иоанна, оправдать весь его военный поход, всю его неправду. Не соглашаться, стало быть, продолжать кровопролитие, гибнуть всем народом от оружия, голода и болезней. Что же делать? «Признаем, коли он того желает, делать нечего!»

Наутро принял их Иоанн в присутствии всех своих трех братьев и бояр. Краснея и бледнея, запинаясь, владыка новгородский Феофил, низко поклонившись, поднял глаза свои на узурпатора:

– Государь, – молвил он, волнуясь, – мы виноватые, ожидаем твоей милости; признаем истину посольства Назарьева и дьяка Захарии. Но какую власть желаешь иметь над нами?

Иоанн, чье лицо подобрело было при согласии новгородцев взять на себя вину за конфликт, вновь помрачнел от их упорства.

– Хорошо знаете вы, какой власти я желаю, – жестко ответил он, окатывая их холодным взглядом. – Я доволен, что вы признаете свою вину и сами на себя свидетельствуете в обмане. Спрашиваете, какой власти я хочу у вас? Хочу властвовать в Новгороде так же, как и в Москве.

Просители вновь следом за Феофилом низко поклонились. Они готовы были ко всему, ко многим ограничениям своей вольности, к уступкам, к большим выплатам денег, готовы были расстаться даже с частью своих владений, но только не к этому полному искоренению своей самостоятельности. Распрямившись и глядя на Иоанна, владыка молвил грустно:

– О том мы должны с городом посоветоваться, мы не вправе сами решать.

– Советуйтесь, – отрезал сердито Иоанн. – Жду вас для решительного ответа через два дня на третий здесь же, у Троицы. А не надумаете – больше с вами толковать не стану.

За те два дня, что владыка с посольством отсутствовали в городе, положение там резко ухудшилось: начался мор. Люди замертво падали прямо на улицах, поднималась паника. Вече решили не собирать, чтобы не распространять заразу, а обсудить все на совете у Феофила, куда пригласили представителей всех пяти концов и всех сословий.

6 декабря с утра делегаты начали стекаться в детинец, но не в Грановитую палату, а прямо во двор, к Святой Софии. На свежем воздухе было безопаснее.

Феофил вышел к народу в белоснежной мантии и белом же клобуке, на плечи его был накинут большой светлый тулуп. Остановившись на высоком крыльце храма, он дождался, пока все замолкнут, и снял со своей седой головы клобук, склонил голову перед собравшимися:

– Горе у нас великое, вольные граждане великого города. Требуется государь Московский, чтобы лишились мы своей вольности, чтобы стали его отчиной, чтобы подчинились ему так же, как и Москва, как и другие его подданные. Соглашаться ли на это условие – думайте сами.

Над большой массой лучших людей города не пронесся обычный в таких случаях возглас протеста или поддержки, не раздались крики с призывами. Народ тягостно молчал. Многие уж знали от послов о требованиях Иоанна. Иного выхода, как покориться, никто не видел.

Но как голосовать за это? Как отказаться от того, чем жили деды и прадеды, и их предки, чем гордились более семи веков десятки поколений новгородцев. Как входить в жизнь новую, неизведанную? Каковы они, порядки, в низовых землях? Какие пошлины, каков суд? Не станет ли Иоанн наказывать, казнить виноватых, выгонять их из своих домов, отнимать земли, переселять? Где и как узнать все это?

– Вы хотя бы просили великого князя, чтобы выводов нам не учинял, – раздался в тишине низкий голос богатого новгородского боярина Якова Короба. – Не переселял бы нас на чужие земли. А то ведь со зла разорит...

– Правильно, – поддержал его родной брат, тоже боярин с Неревского конца Василий Казимер. – Надо молить государя, чтобы суд нам по старине оставил, чтобы не ездили мы к нему в Москву судиться, мол, сами сможем разобраться...

– Хорошо бы узнать, какие он с нас пошлины брать станет!

– И чтобы торговые дворы не закрывал – пусть иноземцы к нам по-прежнему с товарами ездят.

Феофил поднял руку – и эти редкие голоса тоже стихли.

– Сами знаете, в каком положении мы находимся. Разве можем мы сейчас Москве условия ставить? До торговых ли нам дворов, если о себе не знаем, будем ли завтра живы? Еще неделю-две продержат нас в осаде, и совсем некому будет город защищать.

– Знаем, – раздалось со всех концов на удивление тихого совета, состоящего в основном из солидных бородатых мужиков, чуть отощавших, но все еще осанистых, хорошо одетых.

– Надо все-таки точнее узнать, чего хочет от нас государь Московский, – прогудел вновь своим низким голосом Яков Короб. – Хотя ты прав, владыка, нам теперь не до торгов...

Еще день Феофил с посадниками и тысяцкими, с прочими боярами новгородскими судили-рядили, о чем просить злодея, какие условия принимать.

7 декабря прибыли послы в Троицкий монастырь. Их вновь приняли великокняжеские бояре. Государь не пожелал с ними встречаться до тех пор, пока они не согласятся на его условия, пока не договорятся с его представителями.

Изложили новгородцы те минимальные свои требования, при соблюдении которых они готовы были отдаться на полную великокняжескую волю. Слезно молили, чтобы оставили им суд по старине, чтобы выселений им из родных земель не учинили, чтобы дань бралась со всех их волостей определенная – по гривне с двух сох. Они молили не брать их людей на службу в низовские земли, поручив им оберегать самостоятельно северо-западные пределы Руси.

Бояре московские выслушали их, переглянулись и ушли на совещание к государю. Тот сидел в это время на втором этаже игуменских приемных палат, которые занимал со времени своего появления в обители. Он не был занят ничем особенным – просматривал на карте места расположения русских полков, рек, думал, что предпринять в том случае, если новгородцы начнут упираться, не примут его условий. Он уже дал задание Аристотелю проложить мост через плохо промерзшую реку Волхов под Городищем: и на случай атаки, и для устрашения сидящих в осаде. Псковичей со своими орудиями расположил поближе к крепости – в Троицком монастыре в Бискупицах, в селе Федотине. Еще он просматривал подготовленную уже для новгородцев грамоту с условиями, на которых он готов был принять от них присягу. В соседней комнате сидели два его дьяка, готовые в любой момент подправить эту грамоту, внести приемлемые изменения.

К новгородским боярам он не вышел сам по нескольким причинам. Не хотел подвергать себя лишней раз опасности заразиться, ему донесли, что в городе начался мор. Хотел иметь возможность обдумать условия, которые могли поставить новгородцы, посоветоваться с боярами наедине, прежде чем принимать какие-то решения. И еще ему казалось, что некоторая отстраненность от послов только возвысит его в их глазах. Пусть не думают они, что имеют дело с обычным князем!

Выслушав от бояр просьбы послов, вновь осерчал:

– Они только два дня назад признали меня своим государем, а сегодня снова условия выставляют, будто это я нахожусь в осаде и с голоду подыхаю, а не они! Может, Господь их разума лишил? Так и передайте им мой ответ.

Новгородцы сидели и терпеливо ждали. Патрикеев, вытерев лицо платком и жалостливо поглядев на усталого и враз постаревшего Феофила, передал ответ. Ряполовский лишь сочувственно кивнул, когда владыка перевел свой вопросительный взгляд на него, словно не веря ответу и не зная, что дальше предпринять.

– Мы вовсе не смеем указывать, – вымолвил, наконец, робко архиепископ. – Но мы лишь хотим знать, как государь наш собирается править в своей Новгородской отчине, мы ведь не знакомы с вашими московскими и вообще с низовскими порядками, не знаем, какие там пошрины...

Вновь бояре отправились к Иоанну. На сей раз он решил, что пришла уже пора объявить им свои условия, которые давно были подготовлены и даже оформлены грамотой. С ней и вернулись московские бояре к новгородцам. Патрикеев, тяжело вздохнув, сам принялся читать ее бесстрастным голосом.

– «Отныне вечевому колоколу в отчине нашей Новгороде не быть, посаднику городом не командовать – сам буду здесь управлять, как и в остальной отчине своей. Хочу иметь у вас свои села и волости. Земли, принадлежавшие прежде великим князьям, вы должны мне вернуть. Что касается вашей просьбы не переселять новгородцев на другие земли, вас тем пожалую, выселять не стану, не опасайтесь, на службу в низовские земли людей брать не буду, в отчины боярские обещаю не вступаться, суд пусть останется у вас по старине, как прежде был».

Молча, выслушали делегаты ответ государя, молча, откланялись. Не могли они на такие условия, не посоветовавшись с народом, дать сразу ответ. Снова ходили к братьям великокняжеским и боярам, молили о мире и прощении, носили подарки. Те обещали заступиться за них. К вечеру отправились послы обратно к себе в Новгород, думу горькую думать, советоваться. Целую неделю не могли новгородцы принять окончательного решения, отказаться от своего символа свободы, вечевского колокола, расстаться с немалой древней своей собственностью, с землями своими.

А голод и болезни все поджимали, подтачивали народ, загоняя его в угол. Уже вымирали новгородцы целыми семьями, уже не было сил хоронить каждого в отдельной могиле, закапывали покойников десятками всех вместе, без гробов и почестей, отпевая всех сразу. А иных и хоронить было некому: когда вымирала целая семья вместе с прислугой, здоровые еще соседи боялись подойти к опустевшему дому.

Жалко было своего веча и земель, но смягчало их души то, что обещал великий князь не держать зла на них, не выселять из своего города, не отнимать земли боярские, не судить новгородцев в Москве и не брать их туда на службу. Хотели теперь несчастные лишь одного: чтобы государь им крест целовал, что не обманет их. С тем и поехали через неделю вновь на переговоры.

Узнав об условиях, Иоанн ответил через бояр, что хватит с них и его слова. И клятву дать отказался. Даже опасной грамоты не подписал. Вернувшись в город, архиепископ вновь собрал совет в детинце, на своем владычном дворе.

– Так он обмануть нас хочет! – вскричали бояре, более других виноватые в вольнодумстве и опасаящиеся за себя, за свои земли. – Лучше уж погибнуть, чем остаться нищими или быть угнанными в чужие края! Будем обороняться!

Вновь начались в городе споры и брожения. На этот раз с ответом тормозили наиболее обеспеченные и сытые – бояре, посадники, купцы, имевшие земли, деньги и запасы продуктов. Зараза обходила пока богатые дома, благодаря осторожности и приличному питанию.

Вопрос решился неожиданно. 18 декабря на малом вече избранный воеводой Василий Шуйский-Гребенка, бывший до сих пор верным сторонником и защитником новгородской свободы, торжественно, при народе, сложил с себя крестное целование, отказался от чина воеводы и заявил о переходе к великому князю Иоанну Васильевичу на предложенную ему службу. Это был удар. Это значило, что теперь нет никакой надежды отстоять город, защитить свободу. Никто и не попытался упрекнуть или наказать Шуйского. Народ уже чувствовал, что пришло время каждому спастись своими силами, и не стал осуждать воеводу, который пытался сделать это.

И тогда осажденные решились просить государя о последней милости. Если уж Иоанн не хочет целовать им крест, что не обманет, пусть хоть сам лично скажет послам, что не будет преследовать врагов, не станет выселять и отнимать их имущество, что оставит суд по старине.

Иоанн, видя упорство осажденных и желая скорее завершить дело, согласился на эту, в общем-то, небольшую уступку. Он сам вышел к новгородцам в приемную игуменских покоев Троицкого монастыря – в парадном царском одеянии, и сам лично торжественно пообещал:

– Били вы мне челом, чтобы я пожаловал вас, гнев свой отложил, и выводы из новгородских земель не учинял, и в имения ваши не вступался, суд оставил по старине и на службу в Москву и низовские земли людей ваших не брал, – я вам все это обещаю.

Государь удалился, а послы начали переговоры с великокняжескими боярами о землях, которые новгородцы должны были передать ему в собственность. Переговоры шли долго и трудно и лишь к Крещению, к 7 января, благополучно завершились. Великий князь получил во владение десять волостей владыки, половину волостей и земель шести крупнейших монастырей – Юрьева, Благовещения, Аркажьего, Антонова, у Никольского с Неревского конца, у Михайловского, что на Сковородке, а также все земли Новоторжские, Двинскую область, Заволочье...

Как только подписали списки о передаче земель в собственность государя, начал молить владыка Феофил о снятии блокады, ибо народ начал умирать не только от болезней, но и от голода, городу срочно нужны были продукты, хлеб. Но Иоанн не спешил выполнить эту просьбу, желая сначала заключить договор о дани, ибо боялся, что после снятия блокады новгородцы станут строптивее. Он потребовал по семь денег с каждого землевладельца, но, в конце концов, согласился уменьшить эту сумму втрое. Согласился также на просьбу покоренных не посылать к ним своих сборщиков дани, которые, по их словам, обычно теснят и обманывают народ, а доверить эти поборы новгородцам, которые сами исчислят людей и дань без обману. Если же таковой обнаружится, будут казнить лжецов без милости.

10 января подьячий государя Одинец привез на двор владыки приказ очистить Ярославов двор, а также образец присяжной грамоты, на которой новгородцы должны были поклясться в верности государям и великим князьям Московским и всея Руси. В той клятве оговорены были условия, что не будут мстить они своим соседям псковичам, выступившим на стороне Иоанна, не будут мстить никакой хитростью и своим землякам – его сторонникам.

Два дня во всех концах города читали ту грамоту, собирали подписи под ней, ставили печати. Архиепископ Феофил – свою, посадники – свои, старосты улиц со всех пяти концов – тоже. Многие при этом обливались слезами, считая, что теряют самое дорогое в жизни, душу свою, волю. Плакали, но ставили подписи, ибо голод и болезни довели город до последней крайности. И даже те, кто не жалел себя и готов был умереть за свою свободу, болел душой за детей, за стариков, за жен своих, которые страдали больше всех и умирали первыми. Так что подписывались под той кабалой все без исключения.

Шли последние дни, даже часы новгородской вольности, которую жертвовали они, лишь заглянув в страшные глаза смерти.

Глава III

Прощание со свободой

Новгород собирал подписи под крестоцеловальной грамотой, но блокада продолжалась, войска оставались стоять на прежнем месте, не пропуская в город и мухи без разрешения Иоанна. Правда, грабежи, разбои и убийства мирных хлебопашцев по его приказу прекратились. В город даже были доставлены несколько подвод с хлебом, за который простые изголодавшиеся люди бесхитростно благодарили своего новоиспеченного государя. Все ждали последнего, решающего события, которое должно было поставить точку на всей предыдущей вольной жизни: всеобщей присяги на верность великому князю Московскому и всея Руси. О ней говорили, шептались, ее ждали и боялись.

13 января 1478 года большая новгородская делегация во главе с Феофилом повезла грамоту с собранными подписями и печатями в стан Иоанна – Троицкий монастырь в Паозерье. Это были не только бояре и посадники, тысяцкие, но и многие уважаемые состоятельные граждане города – житьи люди, купцы, старосты со всех концов и улиц.

Их ждали. В просторных приемных игуменских покоях было установлено высокое кресло – специально для государя, для церемонии присяги. Когда гости вошли в палату – она почти вся заполнилась до отказа. Ждать пришлось недолго. Вскоре тут появились московские князья, бояре, воеводы, которые встали неподалеку от кресла, а спустя несколько минут пожаловал и сам Иоанн. На нем была царская одежда из золотой парчи, подбитая соболями, знаменитая шапка Мономаха с собольей же опушкой и золотым верхом, золотой пояс с разноцветными камнями. В руках он держал высокий посох, также украшенный сверкающими драгоценностями.

При появлении государя московские бояре, Феофил, а следом за ним и все новгородцы застыли в низком поклоне. И стояли так до тех пор, пока государь не сел, примостив предварительно свой посох у ручки кресла. Он не спешил: ему нравилось видеть подбострастие своих новых подданных, он хотел, чтобы они лучше запомнили свое новое положение. Кроме него самого никто больше сесть не мог – для этого заранее стулья и лавки из палаты были вынесены.

Владыка Феофил по знаку государя вновь с поклоном преподнес ему свиток, на котором была выписана клятвенная грамота и проставлены десятки подписей с печатями. Иоанн внимательно просмотрел и прочел все, что там было изображено, по красивому суровому лицу его промелькнула тень удовольствия.

– Клянетесь ли вы мне в том, что здесь написали? – спросил он строго новгородцев.

– Клянемся! – разногласно ответил народ.

– Клянетесь не мстить ни псковичам, ни своим согражданам, моим союзникам?

– Клянемся! – уже более единодушно ответили голоса с разных концов палаты.

– Клянетесь, что отказываетесь от своих пригородов, от Двинской земли, от Заволочья?

– Клянемся, – более глухо, но, так же, уверенно прогудело вокруг.

– Тогда целуйте крест на той клятве, – сказал государь и дал знак, – ему поднесли деревянный Людогощенский крест – новгородскую святыню, привезенную сюда специально для церемонии из церкви Флора и Лавра, где он хранился.

Иоанн принял крест и, хотел было, привести новгородцев к целованию, но перед ним неожиданно вновь склонился архиепископ Феофил:

– Прости, государь великий Иоанн Васильевич, милости просит у тебя Новгород и я, богомolec твой, пожалуй нас, скажи, что прощаешь за строптивость и не будешь впредь зла держать.

Иоанн, нахмутив брови и опасаясь какой-нибудь новой задержки, выслушал Феофила и поддерживавший его робкий гул голосов, но не увидел ничего предосудительного в их просьбе и твердым голосом пообещал:

– Прощаю и буду отныне жаловать тебя, своего богомольца, и отчину нашу Великий Новгород.

Феофил глубоко вздохнул и первым пошел целовать крест. За ним последовали остальные, строго держась иерархии, которая сложилась в городе за предыдущие века – по должности, положению, богатству. Сначала – степенные посадник и тысяцкий. За ними – посадники старые, потом – простые, следом – тысяцкие и обычные горожане, но самые богатые и влиятельные, состоящие в старостах или в городской администрации. Далее – купцы, также по чину и состоянию. Равенства и тут никакого не было. Иоанн думал об этом, когда глядел на них сверху и наблюдал за выражением лиц, за действиями. Новгородцы казались покорными, на их лицах не было ни радости, ни горя большого. Держались.

«Привыкнут», – подумал Иоанн.

Дождавшись конца церемонии, он встал.

– Через день, пришлю в нашу отчину, в Новгород Великий, своих бояр, от города присягу принимать. Чтобы к тому времени на моем Ярославовом дворе и памяти от вечевого места не осталось. Оповестите народ, чтобы все были готовы.

Он повернулся и, гордо ступая в роскошном царском одеянии, удалился во внутренние покои, легко держа в крепкой руке тяжелый драгоценный посох. За ним двинулись братья и московские бояре. Новгородцы тоже зашевелились, но в противоположную сторону – на холодную улицу. Спасибо хоть игумен угостил их скромно в своей монастырской трапезной. Здесь недостатка в продуктах не было, и новгородцы поели досыта, многие из членов делегации – впервые за день.

15 января 1478 года от Рождества Христова рушилось древнее вече на Ярославовом дворе. Тянули время новгородцы, до последнего дня ждали какого-то чуда, способного спасти символ их независимости, но больше уже откладывать было нельзя. При большом стечении народа, со слезами, сняли с перекладины большой красивый колокол, осторожно спустили его на веревках вниз, десятками рук аккуратно положили на снег. Сняли металлическую перекладину, на которой он висел. Одновременно разрушили деревянные подмости, откуда вешали народу его лидеры и глашатаи.

Стоящие возле великокняжеского дворца московские бояре смотрели на это событие равнодушно, словно на что-то неизбежное. Иные из них искренне не могли понять, отчего это люди так убиваются из-за такой нелепицы, как подставка для колокола да деревяшки! Коли понадобится – найдут иной способ собраться и обсудить свои дела! Хоть бы и на архиепископском дворе. Но сам глава делегации князь Иван Юрьевич Патрикеев хорошо понимал горе новгородцев. В сей момент они теряли не только свою вольность, но и последний ее символ. Пока бил колокол, они могли верить, что можно еще что-то спасти, вернуть, теперь, без колокола, не останется и веры. Это хорошо. Значит, легче пойдет присяга, меньше будет сомневающихся и тех, кто постарается избежать процедуры, оставив свои руки свободными для измены.

Поглядев, как брякнулся о снег язык колокола, Иван Юрьевич дал команду, и бояре расселись по коням. Все, даже немолодые москвичи, старались подражать великому князю, который передвигался в основном только верхом и держал прекрасную форму благодаря многочисленным охотам и поездкам по своим владениям.

Немолодой уже воевода князь Палицкий запрыгнул на коня так же легко, как и сам Патрикеев, ибо был стройным и подвижным, полноватому же Стриге-Оболенскому помог его слуга, немолодые братья Тучковы с трудом, но управились сами. Отсюда, с Ярославова двора, московские бояре со своей свитой двинулись через Великий мост на Софийскую сторону, к детинцу.

Там готовилась церемония принесения присяги знатными новгородцами. Просторный архиепископский двор был заполнен народом, будто все спешили поскорее присягнуть новому своему властителю. Однако причины столь активного сбора были стары как мир: страх перед наказанием и людское любопытство, ведь никто из них прежде не видывал подобного события. К тому же обещал государь, что сразу после присяги блокада города будет снята и народ получит вдоволь продуктов.

Накануне посыльные от владыки оповестили все концы города, чтобы их старосты и выборные непременно прибыли для крестоцелования к нему на двор, остальные смогут присягнуть на своих улицах, куда также приедут московские бояре и дети боярские. Первыми поспешили в детинец сторонники единства всех русских земель и великого князя Московского и те, кто хотел показать свою к нему приверженность. За ними потянулись и остальные. Словом, народу набилось полным-полно.

Навстречу московским боярам прямо на улицу вышел архиепископ Феофил. Патрикеев сошел с коня, принял благословение владыки, затем вместе с ним поднялся по передней лестнице дворца и остановился на балконе. За ним последовали еще несколько прибывших бояр. Иван Юрьевич достал свиток, не спеша развернул его, оглядел замершую внизу толпу и молвил:

– Князь великий Иоанн Васильевич всея Руси, государь ваш, тебе, своему богомольцу и владыке, своей отчине Великому Новгороду приказал сообщить следующее...

Он приостановился, глянул на свиток и уже продолжил от имени Иоанна:

– В связи с тем, что наш богомолец архиепископ Феофил со всем освященным собором и вся наша отчина Великий Новгород били челом нашей братии о том, чтобы я их пожаловал, смилостивился и нелюбовь с сердца сложил, я, великий князь, ради своих братьев пожаловал вас, свою отчину, вашу просьбу исполнил. А ты, богомолец наш архиепископ, и весь народ новгородский во всем, что обещали мне, о чем в грамоте записали и крест целовали, чтобы исполнили. И чтобы все люди новгородские по той же грамоте крест целовали в верности нам, а мы вас, свою отчину, впредь жаловать будем по вашему исправлению к нам.

Закончив читать, Патрикеев свернул свиток и обратился к архиепископу:

– Можно начинать!

По знаку владыки на улицу вынесли все ту же новгородскую святыню – Людогощенский крест, творящий по преданию чудеса, исцеляющий больных. Он представлял собой резную деревянную скульптуру, состоящую из массивного округлого основания-древка и овальной плоскости с четырьмя симметричными, образующими квадрат отверстиями. Вся поверхность креста была украшена тончайшей деревянной резьбой, изображающей библейские сюжеты.

– Клянитесь в верности своему государю Иоанну Васильевичу, – приказал Патрикеев и высоко поднял руку, чтобы дать знак для одновременного произнесения обета.

– Клянемся, – выдохнула толпа.

Люди начали по одному подходить к кресту и целовать его, повторяя нужные слова. Процедура длилась более часа, но даже совершившие обряд сразу не уходили, оставаясь поглядеть, как это сделают другие, не уклонится ли кто от обета. Здесь уже слез не лили, о свободе не сокрушались. Люди смирились с неизбежностью.

Среди собравшихся в детинце не было никого из семейства Марфы Борецкой, которая сказала больно. Не было ни снохи с внуком, ни управляющего, ни других ее приближенных.

В это же время началось принесение присяги во всех пяти концах города, на многих улицах, в основном перед многочисленными новгородскими храмами. Москвичи привезли сюда копии великокняжеских грамот и также зачитывали их собравшимся. Присяга шла чинно, спокойно. Здесь клялись на своих соборных крестах, целовали их все, независимо от состояния и пола – жены боярские и вдовы, служилые люди, купцы, мастеровые. Приходили и обесси-

ленные голодом, и больные. Все спешили поскорее выполнить приказ, чтобы получить долгожданный хлеб.

Марфа Борецкая и тут к кресту не явилась, клятвы верности государю не дала. Посыльному, который отправился по приказу старосты в ее дом, ворота не отперли, словно все вымерли. Уклонился от целования креста и староста купеческий Марк Памфильев, тоже сказался больным. Ясно, что об этом тут же было доложено московским боярам.

18 января в стан Иоаннов к Троицкому монастырю потянулись именитые новгородцы – бить челом государю, чтобы принял их к себе на службу. Это был венец его победы: лучшие люди города прибыли к нему на поклон и предлагали свои услуги. Он сам вышел им навстречу и сказал, что всем найдет дело по силам и достоинству, что отныне их долг повелевает, наряду с исполнением государственных обязанностей, также извещать великого князя обо всех злых против него умыслах, не исключая ни брата, ни друга. Новгородцы, – куда деваться, – обещали ему все, что он требовал.

С этого дня Иоанн снял с города строгую блокаду, разрешил беженцам вернуться к своим разоренным домам, приказал поставлять хлеб голодающим. Город вздохнул, но судорожно, осторожно. Ибо вторая беда и не думала отступать. Мор продолжал косить обессиленных людей без разбору.

20 января Иоанн отправил в Москву гонца к матери, митрополиту и сыну-наследнику с радостным известием, что он привел Новгород в полную покорность.

В Москве сообщение встретили без особых торжеств и радости – все адресаты были заняты решением собственных проблем.

Геронтий готовил освященный собор, который должен был утвердить кандидата на место покойного епископа Тверского Филиппа. Митрополит спешил, ибо мечтал провести мероприятие без великого князя, своей волей, как хозяин и распорядитель столь важного события. Он хотел наконец-то утвердиться в глазах русских святителей как единоличный духовный авторитет на Руси, которому и сам великий князь – не указ. Торопясь провести мероприятие до приезда Иоанна, он разослал гонцов во все концы Руси с приглашением к иереям срочно прибыть в Москву. И тут же получил первый щелчок по носу. Архиепископ Ростовский Вассиан отказался прибыть на собор, сославшись на состояние здоровья. «Наглец! – думал владыка. – Когда ему самому надобно, он оказывается тут как тут, независимо ни от чего. А теперь, конечно же, знает, что государя нет на месте, что он в Новгороде, оттого не считает нужным явить свое усердие мне, митрополиту».

От этой мысли Геронтий даже поморщился, как от зубной боли. Они знали друг друга давно, многие годы, с тех самых пор, когда Вассиана, малоизвестного инока Пафнутьевой обители, по рекомендации самого игумена Пафнутия назначили настоятелем Троице-Сергиева монастыря. Он, Геронтий, к тому времени уже чуть ли не десяток лет возглавлял Симоновскую обитель. На его глазах происходило быстрое возвышение Вассиана. Сначала его перевели игуменом в великокняжеский дворцовый Спасский монастырь, а уже через два года на влиятельнейшее в церковной иерархии место – архиепископом Ростовским. Его же, Геронтия, перед тем поставили всего лишь епископом Коломенским. Это было обидно.

Но даже теперь, когда Геронтий стал все-таки выше Вассиана по сану, тот все равно умудрялся подавлять митрополита своим авторитетом. Разве может это понравиться? Будь его воля, он бы этого Вассиана в порошок истолок. За все сразу. За высокоумие и гордыню, за то, что был духовником и любимцем великого князя и его матушки, вдовой великой княгини Марии Ярославны. За то, что происходил из родовитой семьи и получил хорошее образование и воспитание, умел держать себя, никогда не суетился, слыл русским Демосфеном за обширные знания Священного Писания и святоотеческой литературы, обладал огромным авторитетом у паствы.

Говорили, что именно ему предложил Иоанн после смерти митрополита Филиппа освободившийся престол, но Вассиан отказался, и тогда был избран он, Геронтий. Владыка ловил себя на мысли, что завидует Вассиану, его манерам, речам, его литературному таланту – лишь недавно тот закончил «Житие Пафнутия Боровского», своего учителя, и все хвалили его за удачный труд.

Митрополит упрекал себя за дурные мысли, каялся, просил Господа простить ему этот грех. Но чувства, которые он испытывал, думая о Ростовском владыке, были неподвластны ему.

Вот и теперь Геронтий держал в руках строгое и любезное послание Вассиана Рыло и готов был разорвать его от злости. На плотной дорогой бумаге с водяными знаками архиепископ писал: «Господину преосвященному Геронтию, митрополиту всея Руси, сын твой, господин, и богомолец Вассиан Ростовский челом бую...»

Геронтий в который уже раз отметил в грамотах архиепископа это новое, лишь недавно появившееся в официальных бумагах наименование государства «Русия». Он, сторонник старых обычаев, не мог еще и сам себе дать отчет, нравится ли ему это новшество, как и утвердившееся обращение к великому князю «государь», а Вассиан уже с легкостью использовал его как общепринятое!

Ссылаясь на свою немощь, владыка Ростовский просил не побранить его и соглашался на утверждение любой кандидатуры на пост епископа Тверского.

«А может быть, он и в самом деле разболелся? – подумал митрополит, – возраст-то наш берет свое...»

Мысли его прервал появившийся в палате митрополичий боярин Федор Юрьевич Фомин.

– Владыка, к нам прибыл архимандрит Тверского Отроча монастыря князь Вассиан Стригин Оболенский, – доложил он и многозначительно улыбнулся.

Все уже знали, что архимандрит – кандидат в епископы Тверские. Знал об этом и сам Стригин, носящий фамилию чаще по прозвищу отца, знатного великокняжеского боярина Ивана Васильевича Оболенского по прозвищу Стрига. В связи с этим назначением и предстояла митрополиту с гостем немаловажная беседа.

... Пост епископа Тверского был на Руси особенным. Ибо находился в формально независимом от Москвы княжестве, которое многие годы, да и теперь, соперничало с ней за великое княжение. Нынешний великий князь Михаил Борисович Тверской, родной брат первой, покойной жены Иоанна и дядя его сына-наследника, был по характеру заносчив и независим. Естественно, он не собирался покоряться великому князю Московскому. Но понимал, что тягаться с ним ему не по зубам, в случае военного столкновения он проиграет. Потому старался поддерживать добрые отношения с сильным еще Литовским княжеством, с Казимиром, рассчитывая в случае чего на его поддержку.

В такой ситуации епископ Тверской оказывался как бы меж двух огней. Традиционно в духовных делах он подчинялся митрополиту Московскому и всея Руси. Но под давлением Тверского князя мог вполне отойти под юрисдикцию другого митрополита, Киевского, который располагался на землях, подвластных ныне королю Казимиру, и также имел приставку к основному титулу «всея Руси». Ныне эту кафедру возглавлял утвержденный патриархом Константинопольским Рафаилом митрополит Мисаил, из епископов Смоленских, на Руси более известный как тверской монах Спиридон, прозванный Сатаной за свою резвость и неистовство. Со свойственной ему непотребной энергией принялся этот Спиридон склонять русских святителей на свою сторону, забрасывая их посланиями и письмами, призывал перейти от Геронтия под его юрисдикцию. Особое внимание уделял он родной Твери. Письма его рвали и сжигали, плевались, но опасность оставалась. Потому-то важно было иметь на тверской кафедре своего надежного человека.

Кандидатура князя-инока Вассиана Стригина, конечно же, была одобрена и даже предложена самим Иоанном. Геронтий, зная об огромном влиянии рода Оболенских и Стригиных, потомков Рюрика, не посмел и пикнуть против такого претендента. Правда, митрополита смущала одна тонкость: Вассиан был дальним родственником и самого великого князя Тверского и мог с ним сговориться. Потому, уже по своей инициативе, владыка решил взять с него клятвенное заверение, что он, Вассиан, не отступит от чистой православной веры и от московского митрополита. Для того, собственно, и был приглашен претендент.

Геронтий принимал будущего епископа Тверского в своей новой двухэтажной кирпичной палате на четырех каменных подклетьях. Сам государь Иоанн Васильевич не имел такого прочного удобного дома. Два года его отделявали и украшали, обустраивали, и вот теперь он стоял в центре крепости во всем своем блеске, утверждая славу и величие нового митрополита. Геронтий гордился своей палатой и собой и был рад, что к собору святителей стройка полностью завершилась.

– Приси, – приказал он своему боярину.

Тот удалился, вскоре тяжелая бронзовая ручка массивных дверей стукнула и на пороге появился архимандрит Вассиан. Это был большой неторопливый человек, дородный, как и многие Оболенские. Одет он был в простую черную рясу и мантию, голова его была открыта, шапку он, видно, оставил вместе с шубой в сенях. О его высоком сане говорил лишь деревянный посох, украшенный сверху золотым шишаком с крестом. Густые темные волосы его были закручены сзади черным жгутом и убраны внутрь под рясу. Весь он, несмотря на подчеркнутую скромность платья, несмотря на монашеский чин, был слишком чистеньким, слишком холемным. Особенно поразили митрополита его красивые руки с длинными изящными пальцами и массивным золотым перстнем-печаткой.

Это наблюдение также шевельнуло в Геронтии неудовольствие, похожее на зависть, но он постарался подавить в себе недобрые чувства. Поднялся навстречу гостю, благословил.

– Ты знаешь, друг мой, для чего я пригласил тебя...

– Догадываюсь, господин мой, – спокойно ответил гость.

– Присаживайся, – митрополит указал на стул, сам же вернулся на свое кресло с высокой резной спинкой.

– Завтра открывается собор. Ты, стало быть, знаешь уже, что мы должны избрать епископа Тверского, и на это место тебя рекомендовал сам великий князь Тверской Михаил Борисович по согласованию с нашим государем Иоанном Васильевичем. Я тоже слышан о твоих добрых делах и от души одобряю этот выбор. Надеюсь, и преосвященный собор не отклонит твою кандидатуру.

Вассиан сдержанно улыбнулся и поблагодарил митрополита за добрые слова. Тот поджал свои тонкие жесткие губы и продолжил ласковым голосом:

– Однако мне хотелось бы еще раз напомнить тебе, что ты возглавишь одну из наших самых трудных епархий, где много противников у православия, где вольготно чувствуют себя и католики, и униаты...

Князь внимательно глядел на митрополита, стараясь понять, чего тот хочет, и взгляд его был настолько умен и пронизателен, что Геронтий смутился, поняв, что говорит прописные истины человеку, не глупее его самого, запнулся, но, отвернувшись ненадолго в сторону, продолжил:

– Тебе все это известно, но мой долг предостеречь тебя и напомнить, сколь это опасно для единства и чистоты нашего православия и как важно потрудиться в Твери на совесть, чтобы ограждать народ от дурного влияния католичества и униатов.

Гость с полным смирением внимал своему духовному руководителю, всем своим видом выказывая почтение. Это понравилось Геронтию, и он продолжил:

– Готов ли ты дать клятвенную грамоту от имени Тверского епископа, что никогда не отступишь от православия, от нас, тебя поставивших на Тверской престол, и никогда не станешь подчиняться сатане басурманскому Спиридону?

– Готов, отец мой, у меня и в мыслях такого быть не может.

– Тогда давай теперь же подготовим бумагу, завтра зачтешь ее при всем преосвященном соборе и клятву дашь да крест поцелуешь. Вот тебе перо, бумага, я помогу написать ее. Придвигайся к столу.

Вассиан принял из рук митрополита бумагу, отодвинул тяжелую книгу, мешавшую ему удобнее расположить лист на столе, сел удобнее и приготовился писать.

– Ты начни, как обычно: «По благословиению митрополита...»

Князь аккуратно выписывал буквы, обмакивая перо в маленькую серебряную чернильницу. Закончив, поднял глаза на Геронтия:

– Я никогда не писал подобного, мой господин, подскажи дальше!

Геронтий, довольный учтивой интонацией гостя, вздохнул и продолжил диктовать, заглядывая в заготовленную заранее бумажку:

– Я, Вассиан, епископ Тверской, по благословиению Святого Духа, дал эту грамоту за своей подписью и печатью братии нашей, боголюбивым архиепископу Великого Новгорода Феофилу...

Далее владыка подробно перечислил всех архиереев Руси, не забыв упомянуть и о низших чинах, и о прихожанах, приступив к главному, ради чего и приказал написать эту клятвенную грамоту:

– ... о великом Божьем деле, о том, что меня, худого, поставил господин и отец мой Геронтий, митрополит всея...

Владыка на мгновение запнулся, раздумывая, как назвать свое государство – по-новому или по-старому? Но решил, что прав этот заносчивый Вассиан Рыло, новое название звучит веселее, за ним – будущее:

– Митрополит всея Руси...

Гость старательно выводил слова и тоже запнулся при написании нового названия государства. Придержав перо в воздухе, он опустил его на бумагу и с видимым удовольствием выписал это красивое звучное слово, в котором ощущалась широта земель Русских – «всея Руси».

Написав под диктовку еще несколько фраз о своем рукоположении «в великую степень святейшества... вами, моею братиею, боголюбивыми архиепископами», князь-игумен оторвался от письма и спросил Геронтия:

– А мой предшественник писал такое письмо?

– Не писал. Потому мы и намучились с его своеволием. Да о том и толковать не хочется. Ты только не обижайся. Я тебе доверяю, иначе и не благословил бы в епископы Тверские. Но власть и обстоятельства нередко так меняют человека, что он и сам себя не узнает. Твоя клятва, данная тобой добровольно, без принуждения, заставит тебя задуматься, если вдруг обстоятельства сложатся для нас неблагоприятные. Так что пиши дальше.

Он вновь глянул в свою заготовку и продолжил:

– А от своего господина и отца, преосвященного Геронтия, митрополита всея Руси, или кто вместо него будет иной митрополит у престола Пречистой Богоматери и у гроба великого чудотворца Петра, не отступить мне никакими делами. А к митрополиту Спиридону, получившему поставление в Цареграде, в области безбожных турок, от поганого царя, или кто будет иной митрополит, поставленный от латыни или от туркской области, не приступить мне к нему, ни общения, ни соединения мне с ним не иметь никакого.

«Как грубо», – подумал Вассиан, но продолжил старательно писать дальше.

– В подтверждение сего и дана эта добровольная грамота вам, моей братии, за своей подписью и печатью, – продолжил Геронтий. – А сию грамоту я, Вассиан, епископ Тверской, подписал своею рукой.

– Все? – спросил гость.

– Думаю, достаточно, – молвил митрополит. – Теперь подпиши. И печать приставь.

Стригин-Оболенский потер свой перстень о пропитанную красной краской ткань в коробочке, которую подал ему владыка, и приложил к грамоте. Он волновался, и печать получилась смазанной.

– А что если меня завтра не утвердит братия? – спросил он.

– Тогда порвем эту бумагу, да выбросим. Только этого не должно случиться. К тому же самые строптивые владыки Феофил Новгородский да Вассиан Ростовский не приедут.

«Вассиан как раз меня бы поддержал», – подумал Стригин о хорошем друге их семьи – архиепископе Ростовском. Именно он когда-то послужил юному Васе Стригину примером для подражания. Да и имя монашеское взял в его честь, хотя роль тут сыграло и мирское имя князя – Василий.

Геронтий принял готовую бумагу, осмотрел ее со всех сторон, перечитал. Подумал, сделал несколько поправок прямо по тексту.

– Все одно тут помарки есть, – сказал он. – Ты возьми-ка ее с собой, перепиши заново и завтра с утра пришли мне. Я проверю и сам на собор принесу. Ты прочтешь ее перед собором и вернешь мне. Возьми. А теперь ты свободен.

Увидев, что Вассиан не спешит уходить, поинтересовался:

– Волнуешься?

– Да, господин мой, благослови!

Геронтий поднялся из-за стола и с удовольствием исполнил просьбу князя-игумена. Встречей остались довольны оба.

Поставление епископа Тверского было назначено на 6 декабря и должно было свершиться после утрени там же, где проходили все важнейшие события в жизни Русской Православной Церкви и Московского княжества – в кафедральном соборе Успения Пречистой Богоматери, в центре которого все еще стояло деревянное здание временного храма. Службу провел митрополит, присутствовали на ней все приехавшие святители. После ее завершения они удалились в митрополичью палату, там и решили дело быстро и единодушно. Затем вновь вернулись в храм, к могиле святого Петра, и тут, в присутствии прихожан, объявили результат. Первым новоизбранного благословил митрополит, затем по очереди все святители:

– Благодать Святого Духа нашим смирением имеет тебя епископом Тверским. Благодать Пресвятого Духа да будет с тобой!

Отслужили еще один молебен и, довольные собой и совершенным делом, отправились в трапезную митрополита на праздничный обед.

Не успел Геронтий переговорить с каждым из владык, решить их многочисленные проблемы и проводить по своим епархиям, как всплыло еще одно срочное дело. С севера, от князя Белозерского и Можайского, дяди великокняжеского Михаила Андреевича, пришла челобитная с просьбой утвердить в его единоличном владении Кириллов Белозерский монастырь, расположенный на его землях.

Проблема состояла в том, что все культовые учреждения, на чьей бы земле они не находились, в той или иной степени обязаны были подчиняться своему епархиальному владыке. Но в какой степени? Только ли в духовных делах или в полной мере, выплачивая налоги и принимая владычных судей? Этот вопрос всюду решался по-разному.

Кириллов монастырь находился на территории, подотчетной Ростовскому архиепископу Вассиану – государеву любимцу, который требовал у монастыря полного подчинения, суда и пошлин. Ясно, что игумену Кирилловскому это не нравилось, и он кинулся к своему покрови-

телю, хозяину земель князю Белозерскому. Ну а Михаил Андреевич, в свою очередь, просил митрополита оградить его монастырь от посягательств Вассиана, к просьбе как будто бы присоединялась и братия Кирилловой обители.

С челобитной прибыли сам монастырский игумен Нифонт и дьяк князя Белозерского Иван Цыпля. Конечно, с дарами.

Что и говорить, дрогнуло от радости сердце митрополита: вот возможность осадить слишком уж независимого Вассиана, указать ему его место. Хотел сразу же дело решить, но, размыслив, назначил суд: пусть все идет по правилам, чтобы потом придирок не было. Однако и тут спешил Геронтий закончить дело до возвращения государя, который мог вмешаться в спор и решить дело по-своему. Не откладывая, отправил он гонца к Вассиану Ростовскому с требованием прислать объяснения по тяжбе или явиться на суд самому. И уже через десять дней назначил рассмотрение дела.

Как и предполагал Геронтий, сам Вассиан в Москву не приехал. Вместо него прибыл архиепископский дьяк Феодор Полуханов. Интересы князя Михаила Андреевича представлял его дьяк Иван Цыпля. Суд проходил в просторном кабинете митрополита, в его новой палате. Для свидетельства он пригласил двух своих бояр Фому Даниловича да Федора Юрьевича Фоминых. В уголочке скромно примостился Кирилловский игумен Нифонт. Челобитчики стояли посередине комнаты.

– Излагай свое дело, – обратился Геронтий к княжескому дьяку Ивану Цыпле.

Тот низко поклонился всем присутствующим и обратился к митрополиту, изложив суть дела:

– В последнее время, господин, вступается архиепископ Вассиан в государя моего князя Михаила в Кириллов монастырь. Хочет, господин, приставов своих слать к игумену и к братии и хочет их судить. И десятников собирает своих к ним слать, чтобы пошлины брать. В прежние же времена предыдущие архиепископы Ростовские в государя моего Кириллов монастырь не вступались, приставов своих не слали, игумена и братию не судили и пошлин не брали. А судил игуменов того Кириллова монастыря прежде отец моего государя князь Андрей Дмитриевич, а после него судил сын его, а мой государь князь Михаил Андреевич, кроме духовных дел. В духовных же делах игумена ведет архиепископ. А монахов судит сам игумен. Потому что, господин мой, Кириллов монастырь у государя моего, как у великого князя его монастыри – Спас на Москве, да Пречистая на Симонове, да Никола на Угреше.

– Иван Цыпля замолчал, аккуратно вытер рот и небольшую бородку и с видом исполненного долга поклонился. Митрополит одобрительно кивнул и обратился к представителю владыки Ростовского:

– Теперь ты отвечай!

Феодор оправил свою черную монашескую мантию и, чуть запнувшись, ответил:

– Государь мой, архиепископ Вассиан потому хочет в Кириллов монастырь приставов своих слать, а игумена и братию судить, и десятников своих назначить, и пошлины брать, потому что архиепископия эта его. И прежние, господин, архиепископы Ростовские все так поступали.

Геронтий, неплохо знавший все обстоятельства дела, усмехнулся про себя и переспросил:

– Которые же прежде архиепископы Ростовские присылали в монастырь своих исполнителей и доходы с него имели?

Феодор оправил свою черную монашескую мантию и, чуть запнувшись, ответил:

– Прежде, господин, бывший архиепископ Ростовский Трифон поставил игумена Филофея в Кириллов, и тот грамоты ему жалованные на монастырь подавал.

Иван Цыпля, до того спокойно слушавший оппонента, встрепенулся и, не дожидаясь приглашения, парировал:

– Так и есть, господин, поставил было Трифон-архиепископ в Кириллов монастырь игумена Филофея, брата своего родного, без ведома и веления государя моего князя Михаила Андреевича. А чем это кончилось? Князь Михаил Андреевич приказал того игумена Филофея поймать да заковать. Игуменить ему запретил, а поставил в Кириллов игуменом Касьяна – по челобитью и по прошению всей братии, старцев Кириллова монастыря. Велел Касьяну лишь благословения у архиепископа взять. А судил его, как и прежде других, государь мой, князь Михайло, кроме духовных дел, которые, как известно, ведет архиепископ.

Он закончил и снисходительно покосился на Феодора, ожидая его реакции на свои убедительные доводы. Геронтий был доволен: пока все шло так, как он и предполагал. Но для порядку он все-таки еще раз обратился к Феодору:

– Ну а кроме этого примера с Трифоном, родным братом архимандрита Филофея, есть ли у тебя иные доказательства? Были ли примеры, чтобы кроме того какие-то прежние архиепископы или государь твой Вассиан в Кириллов монастырь приставов своих посылали и брали ли пошлины?

Феодор тихо покачал в знак отрицания головой и опустил ее, разглядывая торчащие из-под мантии черные носы своих башмаков. Но митрополит не унимался, заранее зная результат своих допросов и учитывая, что рядом его дьяк аккуратно записывает весь ход суда, и бумаги эти, в случае продолжения спора, возможно, придется показывать великому князю.

– Но, может быть, кому-либо из старых князей Ростовских или Белозерских или боярам старым ведомо, что прежние архиепископы распорядились делами Кириллова монастыря?

И вновь Феодор Полуханов не смог ничего возразить, а лишь отрицательно качнул, не поднимая глаз, головой.

Фактически и обсуждать-то было больше нечего. Не ожидал митрополит Геронтий, что так легко завершится все дело. Он ведь прекрасно понимал главный довод, который мог привести представитель Вассиана: любой монастырь создается на пустом месте, фактически из ничего, порой и на ничейной земле, долгие годы, живя на подачки, на милостыню. И лишь некоторые из них, избранные Богом, постепенно встают на ноги, богатеют, обрастают собственными освоенными землями. Тогда и появляется возможность для епархиального руководства что-то с них получить. Пришло такое время и для достаточно молодого еще Кириллова монастыря. Понятно, однако, желание его лидеров, а тем паче нынешнего игумена Нифонта, человека властного и самостоятельного, избежать опеки и контроля сверху, избавиться от необходимости делиться доходами и властью с главой своей епархии, оставаться полновластным хозяином в монастыре.

Но ответчик архиепископский не смог отстоять своего интереса, потому и думать-то теперь не о чем, явное преимущество оказывалось за князем. Потому Геронтий, переглянувшись с боярами Фомиными, которые в любом случае поддержали бы его, объявил свое решение:

– Присуждаю князю Михаилу Андреевичу судить игумена Кириллова монастыря по старине, как было при отце его, князе Андрее Дмитриевиче, кроме духовных дел, братию же свою, старцев, игумен судит сам. Если же случится какое духовное дело до игумена и его призовет к себе своей грамотой архиепископ Ростовский, то он будет управлять этими духовными делами по святым правилам. Но приставов своих архиепископу в Кириллов монастырь не слать, игуменов и братию ему не судить ни в чем, десятильников не направлять и пошлины не брать.

В этот момент в голосе Геронтия проскользнули нотки торжества, он сожалел, что нет тут его старого противника Вассиана, что нет возможности насладиться властью над ним. Ну да ладно, скоро тот узнает об этом решении, придётся ему покориться.

Вот в это-то время напряженных встреч и решений и пришло к Геронтию известие от государя Иоанна Васильевича о полном подчинении Новгорода. Оно вызвало в душе митрополита противоречивые чувства, весьма далекие от торжества. Лично он ничего не выигрывал от

падения независимости Новгородской республики. И даже напротив. Ведь по духовной линии новгородская епархия и без того всегда подчинялась Московскому митрополиту. Весь урожай от похода собирал один великий князь. И материальный и моральный. Власть его усиливалась, он еще более возвышался не только над своими родственниками, над братьями, но и над самим митрополитом. Могло ли это радовать Геронтия?

Второй адресат великокняжеского послания из Новгорода – вдовая великая княгиня Мария Ярославна тоже готовилась к важнейшему событию в своей жизни – к пострижению. Она собиралась сделать это давно, сразу же после смерти мужа: так поступали все великокняжеские вдовы. Но оставались совсем маленькие дети, и тогдашний митрополит Феодосий уговаривал ее не спешить, поставить сначала на ноги младших детей, помочь советами старшему сыну, молодому государю. Только подросли свои дети, умерла первая супруга Иоанна Мария, остался сиротой наследник Иван Молодой, надо было заменить ему мать. Не кончались хозяйственные заботы, помогала сыну Ростовские земли объединить, давала советы, наставляла, себе уделы покупала, младших сыновей поддерживала. Но ныне здоровье стало сдавать, пришло время и о душе подумать.

Спешно доделывала Мария Ярославна мирские дела, написала завещание, навела порядок на собственных землях. Думала – колебалась, не раздать ли их сразу в наследство детям – что кому задумала, но решила погодить. Монастырь еще не могила, жить пока будет она тут же, в своем тереме, найдется время и для дел. Что ни говори, а когда матушка богата, все почтения у сыновей к ней больше, да и не только у сыновей. Решала, где оставить своих наместников, что передать в управление государю. Разбиралась с бумагами и накопившимися челобитными. Вот, к примеру, пришла грамота от игумена расположенного на ее землях Киржачского монастыря. Жаловался старец, что одолели села и деревни их обители гости незваные. Останавливаются по пути в Суздаль или Владимир многочисленные путники и паломники, требуют еды-питья, жилища, пиры устраивают. А денег не платят. Разобралась, приказала грамоту подготовить, запретила заезжать туда всяким бездельникам.

Торопилась Мария Ярославна свершить пострижение до возвращения сыновей из похода, из Новгорода. Боялась, что узнают – станут отговаривать, как это уже бывало не раз. К тому же суета начнется, пиры, торжества по поводу победы. Нет, решила не мешкать. Конечно, посоветовалась с митрополитом. Тот рекомендовал ей постричься у игумена Кириллова монастыря Нифонта, который как раз по случаю оказался в Москве.

К Кириллову монастырю имела Мария Ярославна особую любовь и почтение. Разве можно забыть поддержку, оказанную ей и ее мужу старцами обители? Когда они, члены великокняжеской семьи, изгнанные Шемякой из Москвы, униженные, почти нищие, нашли в этой обители не только приют и покой, но и поддержку, опору. Игумен Трифон – да будет благоденна его память! – освободил ослепленного ее мужа, великого князя Василия Темного, от клятвы верности и покорности, вынужденно данной им коварному братцу Шемяке, чтобы избежать казни или заточения. Слова Трифона: «Да будет грех клятвопреступления на мне и на моей братии!» – никогда, до самой смерти, не сотрутся в ее памяти, всю свою жизнь она будет считать себя обязанной этому монастырю своим счастьем и всем, что она имела. Оттого особенно щедрыми были ее дары и вклады в эту обитель. Минувшей осенью, продав хлеб со своих земель и собрав налоги на сумму почти в пятьсот рублей, все их она передала в Кириллов. Наказала пятнадцать лет поминать покойного старца Пафнутия и усопшего своего супруга Василия, молиться за все великокняжеское семейство.

Нынешнего игумена Нифонта Мария Ярославна знала давно, еще иноком Пафнутьева монастыря, и хотя никаких особых заслуг за ним не ведала, почитала его как настоятеля дорогой для нее Кирилловой обители. Этого было достаточно, чтобы послушать митрополита Геронтия, принять пострижение от Нифонта.

Словом, когда 27 марта пришла радостная весть от сына, Мария Ярославна готовилась к новой жизни, и через несколько дней, 2 февраля, это событие свершилось: она постриглась в инокини на своем дворе под именем Марфы.

У великого князя Ивана Молодого, оставшегося в Москве правителем вместо отца, также текла замечательная интересная жизнь. При вести о покорении Новгорода вместо радости в нем шевельнулась мальчишеская обида, что отец не взял его с собой, не дал удаль свою проявить. Но он наверстывал упущенное на ином фронте: дважды ездил на Соколиную гору, на осеннюю и зимнюю охоту. Выезжал с собаками и кречетами отцовскими – тот разрешил пользоваться его конюшнями и соколиными дворами. Обсуждал дела с оставшимися боярами и чувствовал себя взрослым и важным.

У Софьи же известие вызвало даже обиду. Она, пожалуй, лучше всех других понимала важность свершившегося, с ней первой делился Иоанн мыслями и планами о необходимости единения государства Русского, об укреплении его границ. Она поддерживала мужа и даже подогревала его честолюбие. А он ей и весточки не отписал об успехе. Митрополит, мать и сын у него на первом месте. Им письма и отчеты. А жена – в стороне. Случайно узнала о событии через митрополичьего дьяка.

Иван Молодой, пасынок, вообще с ней не разговаривал, да и она старалась с ним не сталкиваться. Мария Ярославна чаще всего находилась на своем дворе, изредка лишь заходила проведать внучек. И с митрополитом Софья общалась редко – есть у нее своя домовая церковь и свой духовник. Словом, изоляция какая-то от родичей. И от новгородского известия не радость, как должно было случиться, а одна обида.

Москва жила своими заботами. А великий князь Московский и всея Руси продолжал утверждать свою власть в Новгороде. 21 января, накануне дня своего рождения, принимал он подарки от покоренных. Снова тащили новгородцы в стан к Иоанну бочки с вином и медом, ткани, серебро, кречетов, изделия золотые и серебряные: кто что мог. Кто от избытка богатства, кто – последнюю ценность из дома, лишь бы умиловить самодержца, отвести беду от себя и своих близких. Мало ли что было сказано сторяча против великого князя, мало ли что могло навлечь его гнев, раздражить. Да и напраслину могли наговорить, – враги у каждого найдутся, не враги, так завистники. Зависть-то она, что ржа, многим глаза проедает, покоя не дает. Так уж лучше самым дорогим пожертвовать, авось поможет, пронесет гнев великокняжеский мимо двора.

Государь сам принимал подношения в приемной палате владыки Троицкого в Паозере, казначей с летописцем старательно описывали каждый подарок, вносили имена дарителей. Самодержец сдержанно улыбался им, кивал, но более все молчал. Его бояре в это время все активнее заселяли и обживали великокняжеский дворец на Ярославовом дворе, но и не забывали шнырять по Новгороду, высматривали и выспрашивали. Обиды великий князь Новгороду пока никакой не чинил, людей не трогал, в том числе и самых ярых своих противников. Некоторые даже думали, что он, может быть, и вправду сдержит слово, не станет следствие разводить да виноватых искать. Хотя опыт подсказывал совсем иное. Не случайно те, кто чувствовал свою вину, – затаились.

22 января на Ярославов двор официально, как в свою собственную резиденцию, въехали назначенные государем в Новгород наместниками братья Оболенские – Ярослав Васильевич да Иван Васильевич, по прозвищу Стрига, отец недавно поставленного епископом Тверским Вассиана. Отныне им предстояло руководить жизнью Новгорода Великого, диктовать ему волю государеву. Сам Иоанн на торжество не явился, ибо в городе не на шутку разгулялся мор, и рисковать лишней раз своей жизнью он не пожелал, оставаясь в уже обжитой и достаточно

удобной своей резиденции – в Троицком монастыре. Тут и отметил достаточно скромно день своего рождения.

Однако вовсе не явиться в Новгород он не мог. Приняв меры предосторожности, приказав не допускать постороннего люда в детинец, прибыл туда 29 января со всеми тремя братьями. Как исстари водится, ударил челом Софии Святой Премудрости Божией и отстоял обедню. Однако после ее завершения ни на минуту больше в городе не остался, обедать уехал в свой стан в Паозерье, пригласив владыку и всех знатнейших новгородцев к себе. Злые языки судачили, что государь не столько мора боится, сколько отравы или иного зла, впрочем, то было только ему самому ведомо. У себя, однако, он гостей многочисленных не сторонился, с удовольствием говорил с ними, ел и пил доброе вино, чем, кстати, по всеобщему мнению, не злоупотреблял.

Тут снова владыка Феофил явил Иоанну свои дары, преподнес их прямо к столу: панацию, обложенную золотом и жемчугом, редкостный кубок, сделанный из огромного страусинового яйца, окованного серебром, чарку сердоликовую, тоже в серебре, бочку хрустальную, искусно серебром же оправленную, миску серебряную тяжелую, весом аж в 17 гривенок, почти полпуда! Да двести иностранных золотых корабельников. Подарки Иоанн с удовольствием осмотрел, приказал унести, владыку поблагодарил и наградил кубком доброго вина.

Да видно, не всем остался доволен государь. Не зря просиживал он в Паозерье и принимал людей самых разных, выслушивал их. Не зря шныряли его дьяки-дознаватели, проводили следствие. 1 февраля, как и опасались новгородцы, начались аресты. Первым взяли старосту купеческого Марка Памфильева. Дознался-таки Иоанн, что выступал он против него, участвовал в отправке посольства к Казимиру, заказывал оружие для обороны и призывал не отдавать Новгород великому князю. На следующий день взяли и Марфу Борецкую. Да не одну, а с любимым внуком-подростком, сыном покойного Федора. Чтобы и корня Борецких не осталось в Новгороде. А огромное богатство их приказал на себя отписать.

Приказал Иоанн наместнику своему Оболенскому Стриге изъять в управе или где найдутся все грамоты договорные с Казимиром и представить их ему лично. Побоялись посадники новгородские ослушаться приказа грозного властителя и отдали все бумаги, которые от них требовались. Изучил их Иоанн, вызвал к себе владыку Феофила: нашел в договорах и письмах к Казимиру подписи его наместника Юрия Репехова. Хитер оказался Феофил, распоряжения свои сам не подписывал, приказывал все оформлять своему наместнику. Теперь на него все и свалил, мол, не знал о заговорах и переговорах, без его ведома все делалось, лишь его именем прикрывались. Словом, сдал Репехова Иоанну с потрохами и словом за него не вступился. А сам после встречи тут же помчался, обгоняя государевых приставов, к Репехову и первым сообщил ему о свалившемся несчастье. Обещал Юрию, что, если тот промолчит, возьмет всю вину на себя, то он, Феофил, вызволит его непременно, казны своей не пожалеет.

– Ну, оговоришь ты меня, – шептал ему Феофил торопливо, зная, что вот-вот уже явятся слуги Иоанновы, – заберет супостат нас обоих, и казну архиепископскую новгородскую на себя отпишет, кто тогда за нас хлопотать будет? Я за себя-то не боюсь, далее монастырской кельи не ушлиют, в худшем случае железа наложат, поделом мне, грехи стану замаливать. Я свое пожил. Мне за город наш, за людей обидно. Тебе все одно терпеть, сдашь меня, не сдашь – одинаково пострадаешь. Если же я останусь – тебе помогу и другим нашим сторонникам. Живота не пожалею, гляди, сын мой!

Юрий лишь молчал, опустив голову. А когда взяли, – и в самом деле смолчал, о Феофиле не обмолвился, взял вину на себя, и допрос, и пытку вынес. Иоанн сделал вид, что поверил, приказал оставить его в покое, в железах. В списке заговорщиков он вновь встретил имена старых своих недоброжелателей – Григория Арбузьева, Окинфа с сыном Романом, Ивана Кузьмина Савелкова. Приказал арестовать всех прежде и ныне уличенных в противодействии ему,

в переговорах с Казимиром. 7 февраля всех их заковали и отправили в Москву. Вместе с Марфой-посадницей и ее последней надеждой, внучком Василием Федоровым.

На сей раз и упрасивать за них архиепископ побоялся. Утешал свою совесть тем, что надо подождать подходящего момента. Пока же сам то и дело вздрагивал да на дверь оглядывался, слыша подозрительный шум или чужие шаги, мало ли что может случиться, вдруг Репехов не стерпит, проговорится! Тут уж не других спасать – своя бы шкура уцелела! Кто ж с властью запросто расстается? Разве юродивый какой. Давно Феофил понял, что власть над людьми – самое высшее из всех наслаждений, тем паче в зрелые годы, когда иные утехи становятся недоступными.

Иоанн же продолжал управлять дела Новгородские, назначать наместников на новые свои земли, подсчитывать настоящие и будущие доходы, наказывать виноватых. Сколько проклятий сыпалось в эти дни на его голову – не счесть. Впрочем, он этого не слышал и не думал о них. Не до того было. Кроме новгородских дел свалилось на него и личные: ссора с братьями. Разозлились они на него не на шутку. Глядели, какие дары ему преподносили, прикидывали, сколько он земель новых к своим владениям прибавил, какое богатство в его руки приплыло. Намекнули, что неплохо бы поделиться с родными братьями, вместе ведь в поход ходили, затраты понесли. А врученные им новгородцами подарки даже расходов на поход не покроют! Андрей Большой, матушкин любимчик, прозванный за свою вспыльчивость Горяем, напрямик спросил:

– Неужто ты нам никакого жребия не дашь из своей доли? Мы ведь тоже с тобой тут стояли, все невзгоды вместе терпели. Не по обычаю это!

Иоанн лишь стрельнул на брата своим холодным взглядом:

– Недосуг мне этим теперь заниматься!

– После смерти брата Юрия ты то же самое говорил, – поддержал Андрея Борис. – А потом нам из его уделов так ничего и не выделил. И теперь дело тем же закончится!

Братья явно ожидали твердых обещаний от Иоанна поделиться с ними взятыми новгородскими землями. Но тот не собирался делиться. Не для братьев он единое государство строил, для всех. Отдавать им земли значило – укреплять уделы. А это – путь к разделению. Оттого и молчал он, не желая в неподходящее время выяснять отношения.

Поняв это, Андрей Большой с Борисом заявили, что не желают больше стоять у Новгорода и нести убытки, поднялись со своими людьми и отправились по домам, разоряя по пути города и села якобы для прокорма войск.

Иоанн же терпеливо продолжал утверждать свою власть и свой порядок в Новгороде. Назначил еще двух наместников, на этот раз на владычной, Софийской стороне – бояр Василия Китая и Ивана Зиновьева, которым дал права на все судебные и земские дела. Владыке, которого все-таки подозревал в измене, оставил лишь святительский суд, а местных посадников и тысяцких вообще всех прав лишил.

8 февраля Иоанн вновь приехал к Великой Софии на обедню. На этот раз лишь с одним младшим братом, князем Андреем Меньшим Вологодским. Строптивые братья и его пытались подбить на протест, звали уехать с ними, но получили категорический отказ. Мало того, он и их попытался урезонить. Доля, мол, наша такая – старшему брату, великому князю покоряться, родителем так завещано. Это лишь еще больше разозлило Андрея Горяя с Борисом: «Вот ты и гляди ему в рот, как низкий холоп! Мы же ничем его не хуже, от одного отца-матери родились, не смеет он нас унижать-обделять!»

На том и расстались. Младший, Андрей, не мог пойти против Иоанна. Оставшись с десяти лет сиротой, он рос вместе с сыном великого князя Иваном, случалось, подражая ему, тоже называл старшего брата отцом, да и относился к нему по сыновни. Теперь Андрею стукнуло уже 26 лет, у него был свой удел, свой двор в Москве, свои доходы. Однако он так и не был женат и не торопился, дорожил дружбой с великокняжеской семьей, с племянником-наследником. Жил широко, весело, не забывал молиться, строить храмы и помогать монастырям,

нередко залезал в долги, закладывал у ростовщиков наследное серебро и золото, особенно когда надо было срочно собрать свой удельный полк в поход. Над копейкой трястись не хотел, денег не считал, привык доверять своему казначею. Словом, жил беззаботно, о будущем не думал, не желая осложнять себе жизнь. Оттого во всем покорялся Иоанну, навсегда признав его своим государем.

Отстояв обедню, великий князь вновь вернулся в свою ставку, пригласив новгородцев на обед к себе. Угостил их и вновь принялся за дела. Но они были прерваны чрезвычайными событиями. Из Москвы прискакал гонец и сообщил, что жители города, узнав о ссоре великого князя с братьями, об их разбойничьем продвижении по государевым землям, которые они разоряли и грабили, пришли в ужас и затворились. Сразу вспомнились смутные времена, Шемяка, борьба братьев за власть и ослепление великого князя Василия Васильевича. Матушка Мария Ярославна умоляла сына поскорее вернуться в Москву, успокоить народ и помириться с Андреем Горяем и Борисом.

Иоанн заторопился домой. Прощальный обед назначил новгородцам на 12 февраля. Узнав об этом, архиепископ Феофил не на шутку встревожился. Со дня на день собирался он поехать к великому князю, чтобы попытаться умолить его облегчить участь наместника своего Репехова, чтобы отпустили его хоть в монастырь, хоть в заточение, но под его собственную опеку. Собирался и откладывал, ибо боялся даже начинать разговор на эту тему. Московские бояре сказали ему, что Иоанн даже слышать не желает об освобождении арестованных, называя их преступниками и предателями, говорил, что по ним топор плачет, а жизнь их сохранена лишь для того, чтобы выявить сообщников. От таких вестей у архиепископа выступали на коже мурашки, он терял дар речи. Но, все же, решился сделать попытку и начал к ней готовиться.

Владыка знал, что великий князь любит хорошие подарки, что глаза его добреют при виде золота и других ценностей. Стало быть, помочь ему могла лишь общегородская казна, которая хранилась при храме Великой Софии. Феофил приказал позвать казначея и один, с небольшим светильником в руках, спустился в подвал, в тайник, отпер небольшую металлическую дверь, плотно прилежавшую к стене, и зашел в комнату с низкими каменными сводами. Тут он зажег сразу несколько огромных свечей, стоящих в каменных подсвечниках прямо на полу, остановился в центре, оглядел высокие поставцы и большие кованые сундуки, тяжело вздохнул.

За последние годы, а точнее, с 1472 года, с тех пор, как Иоанн начал совершать на Новгород свои походы, эта казна заметно оскудела. То и дело приходилось задабривать его не только серебром и золотом, но другими подношениями, да не какими попало, а лучшими изделиями. При мысли о том, сколько драгоценностей потеряно, сердце Феофила сжималось. Сколько же прекрасных творений переключалось в великокняжескую казну! Бочка хрустальная в серебре – дар немецких купцов. Как хороша она была при дневном свете, как переливалась, играя под солнечными лучами, да и при свечах, а сколь искусной была ее оправа драгоценная! А кубки золотые да серебряные! Один другого лучше. А ковши, а миски тяжеленные, искусно выделанные. И все из серебра и золота. О Господи! Что уж говорить про старые иконы и книги с оправами из золота и камней многоцветных... Ох, горе горькое! Не счастье утрат невосполнимых.

Конечно, казна пополняется, не перевелись еще мастера в Новгороде. И купцы иноземные, и посланники продолжают еще приезжать и подарками радовать. Да разве восстановишь старинную чудотворную икону с изумрудами и рубинами? Разве получишь вновь диковинное яйцо невиданных на Руси размеров в роскошной оправе, на которую ушло семь гривен серебра? Одно утешение: удивили государя великого князя, порадовали, глядишь, смягчился он к народу, к Великому Новгороду, послабление сделал. Часть земель монастырских, которые хотел поначалу забрать, вернул, половину владений архиепископских оставил, дань уменьшил...

Вот и теперь нужда приспела, надо задобрить злодея ненасытного на прощание, да если размягчится, за Репехова попросить. Чем же подмаслить его?

Феофил для начала раскрыл скрипучие – опять не смазали! – дверцы поставца, оглядел все, что стояло на полках. Снял тяжелую серебряную миску весом в одиннадцать гривенок с цветочным орнаментом по краю, новгородской работы, отставил на небольшой массивный стол у стены. Еще постоял, поглядел, подумал, выбрал под стать ей и кружку, которую с трудом удерживала рука, – посуда для богатыря. Ее внешнюю сторону украшали литые контуры зверей, а по краю шла надпись церковнославянской вязью.

Феофил услышал шум отворяемой двери и обернулся. В хранилище вошел его казначей отец Сергей, пожилой монах в черной рясе с непокрытой головой. Он держал в руках объемную книгу с описью всего епархиального имущества. Сведения о каждой ценности, по мере их поступления в казну, заносились на ее страницы, а в случае передачи или дарения там также отмечалось: кому, когда и зачем. Учет велся строгий, ни одна мелочь бесследно не исчезала, хотя, безусловно, и отец Сергей, и сам владыка Феофил знали много способов умыкнуть понравившуюся ценность. Но оба они были иноками и не имели иных привязанностей, кроме Святой Софии, а стало быть, и нужды что-то прибирать к рукам. С собой ведь в иную жизнь ничего не прихватишь – голая душа отходит. К тому же должность архиепископа – пожизненная, и, выходит, казна до самой смерти в его же руках останется, и главная его задача, – богатства города и Святой Софии сохранив и приумножив, – передать преемнику. Оттого воспринимал он казну как свою собственную, оттого с болью отдавал из нее каждую ценность.

Отец Сергей положил принесенную книгу в кожаной обложке на стол рядом с отобранными изделиями, вздохнул:

– Ох, нужда-нужда, грехи наши тяжкие!

– Передал старостам, чтобы срочно деньги с народа собирали?

– Передал, как же, уже давно собирают. Стонет народ, иные последнее отдают, у соседей занимают. Да куда же деваться? – отец Сергей медленно сел на лавку, сгорбив спину, и вновь тяжело вздохнул. – Чую я, не оставит теперь нас великий князь в покое, пока все соки не выпьет. Вон какой тяжкий оброк наложил! И не уедет ведь, пока сполна не насытится!

– Да уж, придется платить. Тут дело такое: золота пожалеешь – без головы останешься, – рассудил вслух Феофил. – Как бы ни пришлось нам часть золота из тайников доставать.

– Ни в коем случае, там запас неприкосновенный, и так обойдемся, соберет народ сколько надо!

Речь шла о тайниках, с древних времен устроенных в стенах самой Святой Софии. Там хранился неприкосновенный запас монет и драгоценностей, сберегавшийся и пополнявшийся также издревле. Об этом запасе знал обычно лишь архиепископ и, принеся страшные клятвы о сохранении тайны, кто-то из доверенных его лиц, чаще казначей. Там же, в укрытии, вместе с деньгами и драгоценностями лежала и опись этого имущества. На всякий случай секретная запись о тайниках и месте их расположения имела и в общей учетной книге, но о ней знали лишь несколько надежных людей, и далеко не каждый мог ее расшифровать.

Архиепископ достал еще один складной кубок из серебра в семь гривенок и закрыл поставец.

– Ныне серебром одним не откупишься, – сказал он, поставив кубок на стол.

Он подошел к сундуку, окованному толстыми листами металла – для прочности, от пожаров и воров. Тут хранились самые ценные произведения рук человеческих, в основном из золота. Снял с пояса еще один ключ, отомкнул висячий замок размером с большой мужской кулак, отворил крышку. Внутри лежали десятки разных коробочек, больших и малых изделий, аккуратно завернутых в тряпицы или куски кожи и навалом сложенных в нескольких отделениях сундука. Начал бережно перебирать его содержимое. Иные изделия покоились здесь уже не один десяток лет.

Руки непроизвольно взяли изящную длинную коробочку, обтянутую сафьяном, и открыли ее. На темном дне лежало дивное женское ожерелье из рубинов, изумрудов и алма-

зов, оправленных в золотую скань. Как оно попало сюда – ему было неизвестно, оно досталось казне от предшественников. Может быть, какая-то вдова уплатила этим ожерельем налог или покрыла им долги, а возможно, вложила его на поминание кого-то из близких, – кто теперь скажет! Но Феофил – прости его, Господи! – столько раз представлял это ожерелье на белой шее Марфы-посадницы! Все выбирал момент преподнести ей подарок, да так и не решился. Самое большое, что мог позволить себе он, старый грешник, это лишь несколько раз по-отцовски обнять Марфу за плечи, либо погладить осторожно по спине. И заключилась в этих его нескольких жестах вся накопленная за длинную жизнь ласка к женщине, весь его, вечного затворника, любовный опыт, вся его мужская страсть. Где-то ты теперь, Марфа? Вот оно чем обернулось, бабское твоё честолюбие! Весь свой дом разорила, всю семью своими руками порушила. Спаси тебя Бог.

Феофил приблизил ожерелье к лицу, словно прощаясь с ним и со своей мечтой, с Марфой, и, чтобы не теребить себе душу, быстрее убрал в коробку, засунул глубже в сундук. Так и не смог он порадовать ни себя, ни Марфу. Стало быть, не судьба.

Он посмотрел на отца Сергия. Тот, так же сгорбившись, сидел на лавке подле стола и глядел на дрожащее яркое пламя свечи. В подвале имелась неплохая вентиляция, все тут было продумано для сохранения и рухляди, и человека.

Архиепископ вновь склонился над сундуком и не без усилий поднял из него тяжелый резной ларец, поднес к столу, открыл. Осторожно развернул холстину и вынул тяжелый кованный пояс из серебра с толстым слоем мерцающей под пламенем свечи позолоты.

– Не помнишь, сколько в нем весу? – спросил у казначея. – Гривенок двадцать?

– Да, почти так, девятнадцать с половиной гривенок, – уточнил казначей, и лицо его оживилось. – Редкая работа, многоценная вещь. Неужто, владыка, не пожалеешь, отдашь?

– Как пожалеть? Репехова спасать надо. А уж по совести говоря, и себя тоже, и весь народ новгородский. Не то так и будет тут супостат стоять со своим воинством, дороже обойдется! Села и так все ограблены, обчищены, не знаю, как народ зиму переживет, придется хлеб закупать. Не умалишь – снова аресты начнутся.

Покопавшись еще в сундуке, Феофил прибавил к поясу еще и цепь золотую в десять гривенок, столь крепкую и толстую, что на ней можно было самого свирепого пса удержать. Выставил несколько больших золотых кубков и ковш весом в одну гривенку, да приложил ко всему этому еще и десять золотников. На это богатство можно было с десятков храмов построить, либо целый город месяц прокормить, либо... Да много чего можно было сделать на эти деньги. Однако приходилось распорядиться этим богатством совсем по-иному. С охами и вздохами записал отец Сергий предстоящую потерю в свою учетную книгу.

Подносить подарки государю помогал Феофилу молодой крепкий монах – служитель храма, один архиепископ был не в силах удержать огромный поднос с дарами. Иоанн внимательно рассмотрел каждое изделие, приподнял тяжелый пояс, прикинув его вес, позвенел красавцами кубками, коснувшись ими друг о друга, остался доволен.

– Что ж, угодил, богомолец наш, – похвалил он владыку. – Ну и я милость свою Новгороду покажу, больше никого не трону, хоть изменников здесь целый обоз можно насобирать.

Тут и показалась Феофилу та самая подходящая минута, когда с просьбой обратиться к стати.

– Прости, государь, великодушно, – склонился он перед Иоанном, – сделай милость и мне, и всему городу, прости нас за вину нашу, а более всего прошу, помилуй слугу моего и первого помощника Репехова...

Иоанн тут же нахмурил брови и отвернулся от Феофила:

– Знаешь, что вина его перед всеми доказана, на преступных бумагах подписи его, отчего просишь за преступника? Или сам с ним заодно?

Голос Иоанна гремел на всю трапезную, где проходила церемония вручения подарков после обеда. Феофил сжался от страха, но одернул себя: чему быть, того не миновать... Но рта больше не открывал.

Другие новгородцы поторопились сгладить неловкость, бывшие посадники и бояре преподнесли государю от всего города собранные пятнадцать тысяч рублей, да десять тысяч серебряных денег новгородских, да десять же тысяч золотых немецких и угорских. Они были разложены по кожаным мешкам, суммы вслух громко называл один из дарителей. Государев казначей все записывал.

Затем горожане потащили дары каждый от себя – снова серебро и золото, сосуды и рухлядь разную, меха: соболи, куницы и прочее. Получили свое и братья – Андрей Меньшой и троюродный Василий Михайлович, сын князя Белозерского. Не обидели новгородцы и других московских гостей незваных, князей и бояр. Когда подсчитали все полученное государем серебро, оказалось, что весило оно около двух тысяч гривенок, то есть пятьдесят пудов. Не считая веса остальных подарков. Чтобы вывезти все это добро из Новгорода, понадобился специальный обоз с крепкими лошадьми. Ну а весь великокняжеский поезд, тронувшийся в обратный путь, растянулся чуть ли не на версту.

По традиции провожали московских гостей до первого стана. Тут государь угостил всех знатным обедом, вновь принял дары на дорожку – несколько бочек вина да меда, сам одарил провожатых – владыку и разжалованных посадников, всех знатных новгородцев.

При всех еще раз наказал своим наместникам, чтобы следом, не мешкая, отправили в Москву вечевой колокол новгородский. Не хотел он ехать с ним в одном обозе. Он спешил, а тяжелый груз мог задержать в пути. Да и знал, что вопль будет стоять по тому колоколу на весь город, и не хотел уезжать под такое сопровождение. И не ошибся: рыдали новгородцы и шли за своим символом свободы толпами несколько десятков километров, несмотря на ругань и окрики приставов и охранников московских. Правда, после арестов рыдали без угроз и проклятий, боялись доносов и гнева государева. Уставая и замерзая, потихоньку отставали.

5 марта 1478 года, пробыв в пути немногим более двух недель, после пятимесячного отсутствия, государь, самодержец и великий князь всея Руси Иоанн Васильевич возвратился домой. Следом привезли и плененный им колокол новгородский. Повесили его на почетном месте: на звонницу Ивановской площади – с прочими колоколами звонить. И слился его громкий чистый голос с другими, создавая прекрасную гармонию.

Глава IV

Паломники

Смерть Пафнутия Боровского разрушила то напряженное, лишь внешнее спокойствие, которое держалось на одном только ожидании перемен. Событие свершилось, и насельники обители, погоревав один-единственный день, начали бурно обсуждать, как жить дальше.

Иосиф не стал медлить. Сразу же после похорон, как только возник вопрос, кто возглавит монастырь, – а произошло это в трапезной перед обедом, – он объявил во всеуслышание, что преподобный завещал ему стать во главе обители.

После небольшого замешательства и даже изумления братия начала шептаться, и один из иноков, Герасим Смердяков, от имени несогласных вслух спросил:

– Отчего же о том никто не слышал? Почему старец при всех не сказал о своем решении?

– Он доверил мне обитель перед самой своей кончиной, когда мы наедине говорили о ее будущем, – уверенно отвечал Иосиф. – После того учитель уже не общался с братией, кроме того, не хотел перед смертью быть причиной наших пересудов, а мы вот и теперь уже начинаем осквернять его память, – громко упрекнул Иосиф недовольно переговаривающихся между собой иноков.

Его слова возымели действие, и обед прошел спокойно. Братья помянули преподобного, мало того, сдержанно отнеслись к тому, что новый игумен занял его место за столом. В принципе все знали, что Пафнутий с уважением относился к Иосифу, любил его, доверял. К тому же, не всегда отдавая себе отчет, многие из них признавали его превосходство над собой в грамоте, в знании Священного Писания, привыкли видеть в центре на всех главных службах в храме. Знали о его строгости и трудолюбии. Словом, сначала насельники обители лишь пытались осознать новшество и понять, чем оно им грозит.

Однако уже на следующий день в монастыре началось брожение. Появились сомневающиеся, которые не очень-то доверяли словам самопровозглашенного преемника, искали подтверждения, обсуждали случившееся.

Не сговариваясь, единомышленники и родные братья Иосифа собрались в его комнате – узнать подробности. Иосиф частично изложил им все, как было на самом деле, о своем разговоре с покойным, о том, что сам предложил себя в игумены, желая навести в обители порядок. Сказал и о том, что Пафнутий не сразу согласился на это, говоря, что Пречистая сама устроит дела в своем доме, но что, подумав, будто бы одобрил его предложение. Иосиф сам верил в то, что говорил, не стали подвергать сомнению его рассказ и товарищи, видя, что он не скрывает всех обстоятельств дела.

– Ты, брат, гляди, не рассказывай о подробностях разговора с преподобным всем остальным, – посоветовал Иона Голова, – только лишние сомнения посеешь.

Даже общее горе не сменило его привычек: он был подтянут, аккуратен, чист, его длинные русые кудри и борода были, как всегда, до блеска намыты и расчесаны.

– И без того ропот в монастыре идет среди иноков, не все порядка здесь хотят, – продолжил он, – привыкли последнее время при игумене жить каждый по своей воле! – Иона хорошо знал, как, впрочем, и многие другие иноки, что новый игумен – сторонник более жесткой дисциплины, и сам был не против порядка.

– Да, брат, думаю, что противников у тебя будет предостаточно, – подтвердил Герасим Черный. – Но знай, что мы с тобой, мы тебя не оставим.

– Кассиан Босой, Акакий и Вассиан Санины согласно закивали:

– Это уж верно!

– Спасибо, братья, мне теперь ваша поддержка просто необходима! Я этого не забуду.

Ропот в монастыре продолжался. Противники нового игумена бросились в первую очередь к Иннокентию, который находился почти неотлучно возле покойного до самой его смерти. Однако, к своему разочарованию, никаких нужных сведений от него добиться не смогли. Иннокентий один из немногих учеников преподобного, кто был глубоко и искренно подавлен утратой учителя. Слезы то и дело наворачивались ему на глаза, печаль давила горло. Однако он видел, замечал, как быстро его собратья забыли о покойном и начали заниматься самыми разными мирскими делами, не боясь уже никакой управы. Он понял, что сдерживало многих лишь присутствие самого игумена, а вот не стало его, и каждый показал свое истинное лицо. Уже через день половина братии перестала постоянно ходить на церковные службы и выстаивать их до конца. Случалось, к концу молебна в храме оставались лишь несколько монахов, среди которых, кстати, постоянно почти находился Иосиф. Иные, когда хотели, отлучались за стены обители, громко спорили, собирались компаниями и даже пили хмельное. Допоздна гудели голоса в кельях, а по утрам эти грешники подолгу спали, забывая о своих обязанностях, о послушании. В общем, пошел разброд.

Все это не нравилось перенявшему от старца стремление к высокой духовности и смирению Иннокентию. Он понял также, что мелькавшая у него идея самому стать преемником Пафнутия – наивна, он не сможет одернуть и укротить этот разболтавшийся народ, слишком мал для этого его авторитет. Оттого, когда обратились к нему с вопросом, правда ли, что Учитель доверил Иосифу свой монастырь, он промолчал, лишь глаза его наполнились слезами. Иноки восприняли это молчание как подтверждение слов Иосифа, на время ропот и сомнения стихли.

Три полномочных посла-старца отправились вскоре в Москву, чтобы сообщить государю о монастырских делах и просить согласие на поставление нового игумена – Иосифа Санина. Тут заминки никакой не вышло, ибо Иоанн уже знал от протопопа Феодора о воле преподобного и одобрил его выбор.

Но оказалось, что стать игуменом не значило еще стать духовным авторитетом для монахов, не значило появления возможности устроить в обители жизнь по-своему, навести порядок. Иосиф повсюду встречал сопротивление и непослушание. Старшие по возрасту, – а их тут было более половины братии, – слушали его снисходительно и поступали по-своему, младшие на словах соглашались, на деле же поступали по-своему. Когда он на совете старейшин предложил общими усилиями наладить дисциплину, ввести строгий общежительный устав, как более пристойный для монашеского образа, большинство братии не согласилось.

Побившись, как рыба об лед, и не исполнив того, ради чего он, собственно, и взялся за пастырский подвиг, Иосиф принял неожиданное решение. Собрав своих товарищей у себя все в той же прежней келье, – в Пафнутьеву он перебираться не захотел, и она пока оставалась пустовать, – новый игумен сообщил им:

– Я решил временно уйти из монастыря.

Герасим Черный, Кассиан Босой, Иона Голова и Вассиан Санин, сидевшие на своих привычных местах, замерли от неожиданности. Первым опомнился Герасим – он по обычаю сидел напротив Иосифа за его столом и чертил пером наброски заставок к своей новой книге. Его рука замерла в воздухе вместе с пером, черные брови взметнулись:

– Когда это ты придумал, брат?

– Сам слышал, сегодня совет старейшин все мои предложения отверг. Я для них не авторитет. Значит, все у нас будет по-прежнему, а то и хуже. Теперь, без Пафнутия, каждый сам по себе. Не обитель, а постоялый двор.

– Ты уж под горячую руку не обижай всех сразу, – огорченно заметил Кассиан, пошевелив красными пальцами своих босых ног. – Не все же мы так уж плохи.

– Не сердись, брат, ты знаешь, я не о вас говорю. Мы потому и вместе, что у нас иные задачи, чем у тех, кто пришел в обитель не душу от скверны очищать, а от мирских забот отдохнуть, за чужой счет понежиться.

– Да я не сержусь, может быть, ты и прав, – согласился Кассиан. – Ты внимательнее по сторонам смотришь, мне же недосуг, я больше один пребываю или с лошадьми. Только в соборе бываю да в трапезной, вот еще у тебя изредка. Мне все люди светлыми кажутся, бесхитростными.

– Потому что ты сам чистый человек. Наверное, в идеале каждый инок так жить должен, но для этого надо иметь подходящие условия, а их кто-то создавать должен, стало быть, и грешить, – со значением рассуждал Иосиф. – Думаете, наш Пафнутий, будучи игуменом и хлопоча о монастырских делах, не отступал от правил, не суетился? Грешил, и страдал, и каялся. Но продолжал делать все это ради нас, ради устройства нашей жизни. И я неспроста такую долю избрал. Хотел создать в монастыре наилучшие условия для служения Господу, по единому общежительному уставу, без свар и обид, по-христиански. Только ничего у меня не получается. А растрчивать силы свои и душу напрасно я не хочу.

– Но зачем уходить? И куда? – вновь спросил недоуменно, упершись в товарища темными глазами, Герасим.

– Думаю, опыту мне надо набраться. Мечтаю жить в обители единомышленников, согласных с общим уставом. Но как это сделать практически, я не знаю. Одно дело, что в книгах святые отцы пишут, совсем другое, как на практике получается. А я много лет в этом монастыре просидел, мало что видел. И правильно, что меня братья не слушают. Прежде чем других наставлять, надо самому у людей поучиться. Пойду простым паломником на север, побываю в Тверских обителях, доберусь до Кириллова Белозерского монастыря, слышал, там наш старец, тоже ученик Пафнутия Боровского, Нифонт игуменствует. А там погляжу, как поступить. Может быть, даже и свою обитель попробую основать, если тут ничего не выйдет!

– А не боишься один идти? Мало ли злых людей на дорогах? – не унимался Герасим.

– Не хотелось бы одному, может, какой попутчик и сыщется.

– Я не сгожусь тебе в попутчики? – глаза Герасима озорно сверкнули.

Это была вторая неожиданность не только для гостей, но и для самого Иосифа. Он изумленно развел руками:

– Да я о лучшем спутнике и мечтать не мог. Ты серьезно это говоришь? Не побоишься трудностей?

– Разве я боязливее тебя? К тому же нас ведь двое будет, чего же бояться!

– Как я рад, брат, – Иосиф протянул Герасиму руку. – Пойдем вместе.

– И я с радостью пойду с вами, если возьмете, – подал голос Вассиан.

– Нет, братец, – ответил ему Иосиф прямо, по-родственному. – Остальным вам надо остаться здесь, порядок поддерживать, нас дожидаться. Да и негоже монахам целым табором перемещаться – лишние трудности в пути с ночевкой, с кормами.

– А назад-то вы вернетесь, не застрянете, если где приглянется? – тревожно продолжал пытаться Вассиан, не желая надолго разлучаться с любимым братом.

– Конечно, вернемся, непременно, разве я оставлю вас, своих друзей, вы ведь главное мое богатство на земле. Ухожу не от вас. Хочу научиться жить по совести, по монашескому обету, а здесь теперь нет такой возможности. Стало быть, надо искать, думать, опыта набираться.

Решили пока о предстоящем уходе Иосифа с Герасимом остальным монахам не говорить, чтобы зря не тревожить, не поднимать лишнего шума. Собирались не спеша, но старательно. Иосиф понемногу переложил на своих товарищей все хозяйственные заботы, которые прежде решал сам, дал соответствующие указания казначею, келарю и другим старейшинам, деликатно предупредил о возможной своей отлучке наместника Боровского и в один прекрасный день исчез.

Поначалу в обители решили, что игумен отъехал по делам, и не беспокоились. Через пару недель начали спрашивать друг друга и товарищей Иосифа – где он, надолго ли отлучился.

Те отвечали, как и было обговорено, что не ведают, надолго ли, настоятель, мол, лишь предупредил, что поехал далеко и приказал ждать его.

По правде сказать, большинство иноков вовсе не опечалились отсутствием нового игумена, ибо постоянно сравнивали его с покойным Пафнутием и не видели в нем достойной замены преподобному. Иосиф оставался для них по привычке обычным клирошанином, равным многим из них. Жизнь в обители продолжала течь своим чередом, совет старейшин по своему направлял ее в нужное русло.

Иосиф с Герасимом тем временем, сделав крюк к югу, добрались до Москвы. Монастырь патронировал сам великий князь, и Иосиф без его дозволения не мог отлучаться надолго. Да и в поддержке он нуждался: вдруг надумают старцы переизбрать его, пока он по другим обителям гостит? А он не был еще уверен, что уйдет оттуда навсегда, что нельзя и там наладить нормальную, на его взгляд, жизнь. Молодой игумен прекрасно понимал, что начинать строить обитель на пустом месте, с нуля – задача не из легких, не каждому по зубам. Выдюжит ли? Словом, решил подстраховаться.

Остановились в самой крепости, в подворье Ростовского архиепископа Вассиана, тоже бывшего инока Пафнутьевой обители, к тому же дальнего родственника Иосифа. В Москве в то время полным ходом шла подготовка похода на Новгород, улицы были заполнены народом, дружинниками, отовсюду съехались святители, служили молебны.

Вассиан в то время также находился в Москве и принял Иосифа радушно. Узнав о его планах, одобрил, обещал помочь быстрее встретиться с государем, замолвить слово в поддержку. Несмотря на великую занятость, Иоанн принял Иосифа, своего ровесника, довольно долго говорил с ним. О жизни, о монашестве, о единении Руси. Они оказались единомышленниками. Иосиф поддержал планы великого князя по укреплению Русского государства, тот в свою очередь одобрил поиски игуменом идеалов духовной жизни, необходимых монаху для спасения своей души и окружающих. Расстались почти товарищами, пожелав успехов друг другу.

От Москвы паломники двинулись на север, в Тверское княжество. Шли, как и полагается паломникам, с большими котомками за плечами. Случалось, их подвозили на телегах. У каждого – крепкий нож за голенищем сапога – на любой случай: веток нарезать для костра, овощей к столу, от зверя нежданного защититься. Ночевали чаще в дереvушках, монахов тут принимали радушно, тем паче, что гости не брезговали никаким делом – хоть крестьянским, хоть своим святительским: служили, благословляли, лечили, даже отпевали. От иной дереvушки до церкви – несколько часов пути, попа, случалось, месяцами не видели. А добрый монах – паломник, да еще такой видный и непривередливый, как Иосиф или Герасим, неизменно пользовался гостеприимством.

Посетив по пути несколько малых обителей, Савватиеву пустынь и знаменитый Саввин Тверской монастырь, где когда-то в юности Иосиф получил совет идти к Пафнутию, двинулись, наконец, в сторону древнего Тверского Успенского Отрочь монастыря. Там решили перезимовать, если не прогонят. Ибо начались заморозки и длительные переходы между деревнями становились нелегкими. От слякоти промокала и промерзала одежда, раскисали сапоги, в сенях или на сеновалах ночевать становилось холодно.

К добротным воротам Успенской обители подходили уже по первому снежку во второй половине дня. Заканчивалась обедня, и путники, сбросив свои котомки у входа в храм, достойно службу вместе со всеми.

– Паломники? – спросил их сурово игумен Антоний, высокий старик с подозрительными, непонятного цвета глазами.

– Да, господин, – ответил за старшего Герасим Черный.

Еще отправляясь из своей обители, товарищи договорились, что будут выдавать себя за обычных паломников, причем Иосиф решил сказываться повсюду малограмотным, необразованным человеком, чтобы не привлекать к себе внимания и иметь возможность без помех посмотреть все, что его заинтересует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.